

www.dontsova.ru ● ● ●

Дарья Донцова

Юкус-покус от Василисы Ужасной

Виктор Тараканов
в мире преступных страстей

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ ЭКСМО

● ● ●

Виола Тараканова. В мире преступных страстей

Дарья Донцова

Фокус-покус от Василисы Ужасной

«ЭКСМО»

2004

Донцова Д. А.

Фокус-покус от Василисы Ужасной / Д. А. Донцова — «Эксмо», 2004 — (Виола Тараканова. В мире преступных страстей)

Кто бы мог подумать, что мой поход на концерт, устроенный «Русским радио», выльется в расследование убийства, а потом и в сюжет для нового детектива! Меня, писательницу Арину Виолову, в миру Виолу Тараканову, отнюдь не балуют приглашениями в разные ток-шоу и на тусовки знаменитостей. Поэтому я явилась на концерт заранее. Заблудилась за кулисами – занесла же меня туда нелегкая! – и стала свидетельницей драки между соучредителем «Русского радио» Сергеевым и скандально знаменитым продюсером Волковым. Потом хлебнула лишнего и отключилась, а придя в себя, узнала, что Волков убит, Сергеев арестован, а моя скромная персона проходит свидетелем по этому делу. Как вам такая ситуация, а? Но, главное, я имела глупость пообещать найти истинного убийцу... В расследовании мне фатально не везло, но опускать руки не в моих правилах. Ведь если за дело берется Виола Тараканова, оно просто обречено на успех!..

© Донцова Д. А., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	22
ГЛАВА 5	28
ГЛАВА 6	34
ГЛАВА 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дарья Донцова

Фокус-покус от Василисы Ужасной

Автор предупреждает, что все описываемые события никогда не происходили в действительности. Еще автор надеется, что сотрудники «Русского радио» не возьмут в руки бейсбольные биты и не явятся к ней на дом с желанием побить стекла.

Данная книга – выражение любви и уважения ко всем тем, кто трудится на этой радиостанции.

ГЛАВА 1

Если ваш муж в воскресенье смотрит по телевизору подряд три футбольных матча, то он напоминает живой труп.

– Олег, – позвала я, – чай на столе.

– Угу, – донеслось из кресла.

– Тебе с лимоном?

– Угу.

– Может, лучше с молоком?

– Угу.

– Со сгущенкой?

– Угу.

– Так что класть в чашку? – Я стала потихоньку выходить из себя. – Кислый цитрус или сладкое молоко? Не могу же я вместе засунуть их в твой чай!

– Угу.

– Что «угу»?!

Олег повернул голову. В его глазах плескалось безумие.

– Ты это очень хорошо придумала! Вместе получится замечательно!

– Молоко с лимоном?!

Лицо Куприна стало принимать нормальное выражение, он моргнул раз, другой, третий. Я с интересом наблюдала, как зомби постепенно превращается в человека, но тут из телевизора понесся торжествующий вопль:

– Го-оо-ол!!! Нет, вы видели? Какой красивый мяч!!!

Олег вновь вперился в экран.

– Эй, – позвала я, – милый! Мы хотели вместе попить чайку!

– Угу.

Стараясь сохранить спокойствие, я осторожно поставила фарфоровую кружку на стол. Больше всего мне хотелось швырнуть ее на пол, но огромным усилием воли я сумела сдержать себя. Более того, я не подлетела к мужу, не стукнула его по башке и не задала совершенно справедливого вопроса: «Ну зачем жениться, если ты не хочешь разговаривать с женой, а?»

Нет, я молча удалилась из комнаты, дошла до прихожей, схватила сумку, сунула в нее ключи, мобильный и кошелек, а потом, по-прежнему без слов, выскользнула за дверь.

Если жена хорошо относится к мужу, она обычно считает своим долгом помочь ему измениться в лучшую сторону, и это основная ошибка женщин. Любовь не должна быть терапией, лично я не чувствую в себе таланта психолога. Хотя сегодня Олегу нужен скорее психиатр – дядя, который в одной руке держит смиренную рубашку, а другой сжимает шприц, наполненный успокоительным лекарством. И потом, если Куприн решил весь выходной день, рази-

нужно рот, наблюдать за тем, как стая мужиков гоняет по полю мяч, то с какой стати мне составлять компанию этому зомби? Спорю на любую сумму, он даже не заметит моего отсутствия в ближайшее время. О том, что я покинула его, Олег догадается лишь тогда, когда голод схватит его за желудок. Ощутив желание подкрепиться, он начнет кричать:

– Эй, Вилка, у нас есть суп?

Но ему придется самому идти на поиски холодильника. Кстати, интересно, Куприн в курсе того, где у нас хранится еда? По-моему, он считает, что обед и ужин всегда стоят на столе. Продукты сами прибегают домой, быстро моются, чистятся, режутся, варятся, борщ наливается в тарелки... Причем все процессы происходят сами собой, без участия человека, мыслящему существу надо лишь съесть вкусное варенье. Может, хоть сейчас Олег наконец поймет, что, прежде чем съесть щи, следует как минимум вытащить из рефрижератора эмалированную кастрюлю и подогреть ее содержимое?

Лично я не собираюсь помогать ему сегодня в столь деликатном деле, как охота на суп. Не желает общаться со мной – и не надо, поеду к Ларисе Капкиной, она давно приглашала меня в гости.

Дверь открыла Майя, дочь Лариски. Я ахнула:

– Что на тебе такое?

– Костюм, – сообщила она и завертелась у зеркала в прихожей, – нравится?

Я деликатно кашлянула.

– Ну... в общем, замечательная вещь, но, извини, ты, очевидно, забыла надеть юбку! Хотя идея подобрать нижнее белье, то бишь трусики, в один тон с блузкой кажется мне достаточно оригинальной, но, скажи, тебе удобно?

– Ты о чем? – прочирикала Майя, с восторгом оглядывая себя.

– Да о трусиках. Кажется, они тебе малы, вон полпопы наружу вывалилось.

– Молчи лучше, – отмахнулась Майя, – это мини-шорты.

Я с сомнением оглядела стройную фигурку девочки.

– Ты собираешься в таком виде пойти на улицу?

– Это концертный наряд, – сообщила Майя, – но, с другой стороны, отчего бы и не отправиться гулять в шортах? Посмотри вокруг, все такое носят!

– Но ты выглядишь почти голой. Блузочка с запахом, без пуговиц, лифчик вылезает наружу, шортики больше напоминают пояс. Мой тебе совет, прихвати с собой легкий плащик, сложи его аккуратно и сунь в сумочку. Много места он не займет и окажется очень полезным. Вечером похолодает, вот и натянешь пыльник¹.

Ну не говорить же Майке правду: в подобном виде ты сильно смахиваешь на придорожный «бутон» и, как только солнце сядет за горизонт, можешь попасть в крайне неприятную ситуацию.

– Пыльник! – с неподдельным изумлением воскликнула Майя. – Вилка, ты неподражаема! А галоши мне не нацепить? Вдруг дождик пойдет. Можно еще натянуть панталоны с начесом, такие розовые, на резиночке, длиной до колена. У мамы в шкафу такие завалялись! Небось на случай снега, он в июне частенько с неба сыплется. Ну ваще!

Напевая, Майя убежала по коридору в глубь необъятной квартиры. В воздухе остался аромат ее дорогих духов.

Не успела я с наслаждением вдохнуть нежный запах, как из другого коридора вырулила Лариска, усыпанная бриллиантами.

– Вилка, – завоптала она и, ухватив меня за руки, поволокла по эксклюзивному паркету, – давай на кухне посидим, по-простому!

¹ Пыльник – почти синоним слова «плащ». Существительное исчезло из нашей речи с середины 60-х годов, когда в СССР появились первые непромокаемые плащи-болонья.

С Лариской мы знакомы очень много времени. Давным-давно я, вчерашняя десятиклассница, была вынуждена зарабатывать на хлеб. Родители Томочки, содержавшие нас, внезапно умерли, и подруга осталась сиротой. Я же, как мне казалось, тоже не имела родственников. Ну и, чтобы не помереть с голоду, пришлось наниматься мыть полы к разным людям². Мне повезло, я сумела пристроиться в богатый дом прислужгой. Вот там и познакомилась с Лариской, она приходила к хозяйке делать той маникюр. Мы с Ларой были одноклассниками и быстро подружились, стали бегать друг к другу в гости и частенько мечтали, как будем жить, когда разбогатеем, но, если честно, о больших деньгах мы даже не помышляли. Наши желания были намного скромней. Хотелось иметь столько средств, чтобы спокойно доживать от получки до получки, откладывая малую толику на одежду, косметику и обувь. Дача, машина, поездки на курорт – все это было не для нас, такое и в голову не приходило.

Потом Лариска вышла замуж за ничем не привлекательного Юру, превратилась в домашнюю хозяйку. Я жила по-прежнему с Томочкой, денег у нас было в обрез. Казалось, так будет всегда.

Но судьба – большая выдумщица, никогда не знаешь, какой сюрприз ожидает тебя за очередным поворотом. Я сама не пойму, как превратилась в писательницу. Пока, правда, не слишком популярную, но стабильно выпускающую книги. Да и муж мой, Олег, регулярно приносит зарплату. Если учесть при этом, что Томочкин супруг Семен является издателем журнала и двух газет, то вам понятно, что в супермаркет я хожу спокойно, впрочем, и джинсы у меня теперь не одни. Наконец-то наступило то самое, давно и с трепетом ожидаемое материальное благополучие. Но до Лариски нам далеко.

Ее невзрачный, маленький, худенький, а теперь и лысоватый Юра превратился в самую настоящую акулу бизнеса. Денег он заработал столько, что перед ним встала во всей красе проблема: куда их девать? Дела Юры шли в гору, он купил огромную квартиру, загородный особняк, автопарк... Но, кроме деловой хватки и нюха на деньги, Юра обладал еще и обостренной интуицией. Примерно за год до того, как удачливых бизнесменов стала трясти налоговая полиция, он внезапно развелся с Лариской, свернул все дела и уехал за границу – куда, никто не знает.

Услышав о Юрином бегстве, я примчалась к подруге, думала, застаю ее в жестокой депрессии, но Лара совершенно неожиданно для меня оказалась вполне довольна жизнью. Дальше выяснились уже совсем интересные вещи. Давным-давно не работающая Лариса стала владелицей сети салонов красоты, приносящих совсем неплохой доход. Квартира, особняк и парочка машин отошли ей в результате дележа нажитого с супругом имущества. Майя как училась в элитном колледже, так там и осталась. Новые колечки и сережки появляются у девочки по-прежнему. В общем, в жизни матери и дочери не изменилось ничего, только Юра испарился. А еще раз в месяц Лариса на неделю обязательно летает в Чехию.

– У меня такие проблемы с желудком, – закатывает она глаза, – не передать словами. Вот только на лечебной воде и тяну.

Но нежно-розовый цвет лица подруги, блестящие глаза и изумительной красоты волосы мешают мне поверить ее словам. Скорей всего, Юра купил в Чехии дом, и это к мужу, а не на минеральные источники катается Лариса. Но юридически к ней нельзя предъявить никаких претензий. Откуда деньги на широкую жизнь? Помилуй бог, салоны приносят прибыль, а супруг присылает через адвоката алименты. Где муж? Лара понятия не имеет, и потом, она же в разводе, поэтому судьбой Юры не обеспокоена. Отчего мотается в Чехию? А что, нельзя? Желудок болит...

Притащив меня в кухню, Лариса воскликнула:

– Ты не против здесь посидеть, по-простому? Или в гостиную пойдем?

² История Виолы и Тамары рассказана в книге Д. Донцовой «Черт из табакерки», издательство «Эксмо».

Я окинула взглядом тридцатиметровое пространство, забитое дорогой мебелью, и, подавив ухмылку, ответила:

– Лучше тут, без затей.

Лариска распахнула огромный, трехдверный холодильник, заставила похожий на взлетную полосу стол вкусами и села в кресло с золочеными ножками.

– Слышала, Роза Калинина замуж выходит!

– Да ну? – удивилась я. – В пятый раз?

– В седьмой.

– И кто счастливый жених?

– Ваня Ромов.

– Он же на Милке женат!

– Уже нет, – широко улыбаясь, сообщила Лариска.

Следующий час мы, поедая пирожные, самозабвенно сплетничали. Потом я спросила:

– Майка куда поступает? В МГИМО?

Лариска махнула рукой.

– Ты прямо в самое больное место ткнула. Никуда!

– Как это? – оторопела я. – Такой плохой аттестат?

Лариска усмехнулась:

– Нет, из нашего колледжа одни отличники выходят. – В чем же дело?

– Учиться не желает.

Я молча стала вертеть в руках чашку. Маечка выросла в полнейшем благополучии. Все ее желания, даже самые наглые и безобразные, мама кидалась выполнять со всех ног. У Лариски, проведенной первую половину жизни в тотальной нищете, возникло острое желание дать родной кровиночке все, и даже больше.

– У меня ни детства, ни юности не было, – бубнила Лара, приобретая Майе пятьдесят восьмую пару босоножек, – пусть ребенок растет счастливым.

И вот вам результат. Майю ничто не интересует, получать профессию она не желает, да и зачем? Мама же все приносит в клювике.

– На высшее образование ей наплевать, – жаловалась Лариска, – не поверишь, чем она занимается!

На лице давней подруги появилось такое горькое выражение, что я испугалась и тихо попросила:

– Скажи скорей, может, вместе выход из положения придумаем!

Лариска покачала головой:

– Ну, беда! Знаешь, с чего началось?

– Нет.

– Почти год назад я позвала на ее день рождения группу «Dorc», припоминаешь?

Я напрягла память. Майя появилась на свет шестого сентября. С тех пор этот день в семье Капкиных отмечают как сногшибательный праздник, причем в прямом смысле этого слова. Вина, водки, коньяка столько, что гостей сшибает с ног. С каждым разом рождение дочери обставляется все шикарней. Чего только не придумывала Лариска. Однажды она выдала всем гостям маскарадные костюмы, и мы изображали героев сказок «Тысячи и одной ночи». Через год была устроена водная феерия с купанием в бассейне, на двенадцатилетие Майи гости играли в сыщика и вора, причем спектакль был так искусно поставлен, что кое-кто лишь к концу вечера сообразил, что приехавшая милиция, дотошно допрашивающая присутствующих, на самом деле группа актеров. На фоне всех прежних придумок прошлогодняя вечеринка казалась самой незатейливой. В саду, под шатрами, были раскинута столы, а на сооруженной сцене пели трое парней с гитарами, группа «Dorc».

И вот сейчас выясняется, что именно в тот день, шестого сентября, и произошла судьбоносная встреча Майи с шоу-бизнесом. Девочка ухитрилась подружиться с солистами: Никитой, Ваней и Лешей. К слову сказать, парни были ненамного старше ее. Так вот, юноши предложили Майе спеть с ними, она пришла в восторг, схватила микрофон, и неожиданно выяснилось, что у нее имеется вполне приятный голос и хороший слух.

Заработав первые аплодисменты, девочка опьянела от успеха и стала мотаться с «Dorc» по концертам.

Лариса сначала насторожилась и быстро навела о мальчишках справки. Полученная информация совершенно успокоила мать. Никита был сыном в прошлом очень популярного эстрадного певца. Ваня родился в семье писателя. У Лешаи отец – генерал, а мама – актриса. Юноши, как это ни странно, не пили, не кололись, не нюхали всякие порошки, а вели скромный образ жизни, пытаясь взобраться на вершину музыкального Олимпа. Родители, как могли, помогали детям, кто советом, кто деньгами, кто связями. Ребята уверенно чувствовали себя во втором эшелоне, довольно неплохо зарабатывали и надеялись в будущем на успех и громадные сборы.

Лариска решила не препятствовать хобби дочери. В конце концов, петь перед залом совсем не зазорно, к тому же Майя вдруг стала зарабатывать, правда, немного, но на колготки и косметику она больше денег не просила, да и колледж девочка не забросила, училась по-прежнему хорошо.

Положение резко изменилось в мае. Отец Никиты долгое время уговаривал очень известного продюсера Романа Волкова взять «Dorc» под свое крыло. Роман кривлялся, отказывался, но в конце концов согласился посмотреть на ребят. В результате он вынес вердикт: группа «Dorc» в нынешнем составе его совершенно не интересует, песни идиотские, голоса простые, подобных «бэндов» в России тысячи, в каждой школе имеется группа подростков с гитарами и ударной установкой. Но вот если Майя захочет начать сольную карьеру, Роман попытается сделать из нее звезду, в девушке есть нечто такое, что должно зацепить публику.

Лариса, услышав сделанное продюсером по телефону предложение, моментально воскликнула:

– Нет, Майе надо поступать в институт!

– Хозяин – барин, – равнодушно обронил Волков и отсоединился.

Примерно через два часа домой прибежала Майя и устроила матери феерическую истерику.

– Никакого дурацкого МГИМО! – топала она ногами. – Хочу петь! Волков из меня звезду сделает! Да он такой! Супер! Он первый! Он раскрутил Марго!

– Это кто? – спросила Лариса.

Майя подскочила к телевизору, ткнула пальцем в кнопку, экран покрылся разноцветными пятнами, и Лариса увидела тощую блондиночку. Невероятно пышная, скорей всего, ненатуральная грудь певички была почти обнажена и усыпана весело переливающимися блестками, коротко стриженные черные волосы торчали ирокезом, разноцветные тряпочки едва прикрывали точеную фигурку дивы. Притопывая ножками, обутыми в блестящие сапоги-ботфорты, певица выдавала странный текст: «Ты ушел навсегда, я вернулась к себе, а зачем же мне я, если нету тебе».

– «Тебе», – повторила растерянно Ларка, – наверное, «тебя»!

– Мама, – взвизгнула Майя, – не занудничай! «Тебя» на музыку не ложится! Не в словах соль! Это Марго. Ей на год больше, чем мне, а она все имеет!

– У тебя тоже все есть, – робко заметила Лариса, – если машина надоела, можем купить более дорогую иномарку. Поступай в институт.

– И что потом? – заорала Майя. – Получить диплом, сесть в кретинской конторе, выйти замуж, нарожать сопливых уродов, а дальше, дальше? Могила? Нет уж, я хочу славы! Славы! Славы! Поняла!

– Да, – в полном ужасе кивнула Лара, потом, не сдержавшись, ткнула пальцем в экран:
– Мечтаешь стать такой, как она?

Майя прищурилась, потом быстро выключила телик.

– Марго – дерьмо! – заявила она. – Полный ноль! Я круче ее буду.

ГЛАВА 2

Понедельник начался с телефонного звонка. Я схватила трубку и сонно пробормотала:

– Алло!

– Виола Ленинидовна? – бодро прочирикал девичий голосок.

– Слушаю.

– Наверное, я вас разбудила, – огорчилась девица.

Глаза нашарили будильник. Семь сорок пять, надо же, я спала без задних ног, не услышала, как Олег ушел на работу. И что ответить нахалке, которая трезвонит людям ни свет ни заря? Рывкнуть: вы меня вытащили из кровати, где я совершенно спокойно могла провести еще часа два? Мне, между прочим, не надо ходить на работу к определенному времени.

При мысли о работе настроение стало еще хуже. Не далее как неделю назад Олеся Константиновна, забирая у меня рукопись нового романа, заявила:

– Виола Ленинидовна, разрешите дать вам совет.

– Выслушаю с огромным удовольствием, – воскликнула я, а сердце ушло в пятки.

Вот, дождалась! Сейчас моя редакторша швырнет в окно вымученную госпожой Ариной Виоловой³ повесть, а потом заявит:

– Издательство «Марко» более в ваших услугах не нуждается, ступайте прочь.

Олеся Константиновна кашлянула, потом встала и сунула папку с рукописью в шкаф. У меня немного отлегло на душе.

– Уважаемая Виола Ленинидовна, – начала редактор, – не скрою, вы перспективный автор...

Огромное ликование затопило мою душу. Меня хвалят! О боже!

– Но очень и очень несобранный, – продолжала Олеся Константиновна, – еще ни разу не сдали книгу вовремя. Честно говоря, это немного напрягает издательство, мешает его ритмичной работе. Вот поэтому я решила дать вам один совет, организационный. В ваших рукописях, как правило, около трехсот двадцати страниц.

– Триста пятьдесят, – пискнула я.

– Хорошо, – кивнула редактор, – и работаете вы над повестью три месяца.

– Да.

– Триста пятьдесят, – защелкала калькулятором Олеся Константиновна, – разделить на девяносто дней, получим... получим... примерно четыре страницы. Если вы ежедневно станете их писать, то через три месяца безо всякого напряжения и мучений получится детектив. Вам ясен ход моих рассуждений?

– Более чем, – кивнула я

– Ну и как?

– Прямо завтра примусь за планомерную работу.

– Вот и здорово! – повеселела Олеся Константиновна. – Кстати, Смолякова именно так и поступает. Правда, она выдает за сутки по двадцать листов текста формата А-4, но нельзя от всех требовать подобной работоспособности!

Придя домой, я, горя желанием хоть отдаленно походить на Смолякову, уселась за стол и уставилась на стопку кипенно-белых, абсолютно чистых листов бумаги. Сначала сгрызла два карандаша, потом сломала несколько ручек, сходила попить чаю, промучилась еще несколько часов, но так и не выдавила из себя ни строчки.

³ Арина Виолова – псевдоним Виолы Таракановой. Под этим именем она пишет детективы. О том, как госпожа Тараканова превратилась в писателя, можно прочитать в книге «Чудеса в кастрюльке».

Ну не понимаю, каким образом госпожа Смолякова выдает ежедневно на-гора столько текста. Может, она и не живой человек вовсе, а робот?

Решив отложить начало новой жизни на завтра, я плюхнулась в кровать и заснула. Но ни в пятницу, ни в субботу, ни в воскресенье книга не писалась. По расчетам Олеси Константиновны, у меня сейчас должно уже быть шестнадцать страниц, а на самом деле кипа листов так и осталась девственно чистой. Может, лучше создавать в день по восемь страниц? Тогда я пока еще побалбесничаю, а потом как сяду, как схвачусь за ручку да как напишу! Вот только о чем? Ну скажите на милость, где Смолякова нарыгает сюжеты для своих книг?

В воскресенье вечером, побывав у Лариски, я заснула в самом отвратительном настроении, дав себе честное слово проснуться завтра в шесть утра и кинуться к письменному столу. И вот пожалуйста, меня вытаскивает в семь сорок пять из-под одеяла нахалка, спрашивающая противным голоском, не разбудила ли меня.

Да мне давно пора работать!

– Извините, если нарушила ваш покой, – неожиданно пропищала трубка.

– Ничего, – рывкнула я, – мы, писатели, в это время уже пишем.

– Ой, простите.

– Не беда.

– Когда вам можно перезвонить?

– Говорите сейчас.

– Не хочу мешать творческому процессу.

– Ерунда.

– Право, мне неудобно, назовите время.

– Да зачем вы звоните?!

– Ой, не сердитесь!

– Мне и в голову не пришло сердиться.

– Меня Юлей зовут.

– Очень приятно, Виола.

– Да знаю, – хихикнула Юля, – ну вот, теперь мне влетит.

– От кого и за что?

– От Архипа Сергеева!

– Это кто такой?

– Вы не знаете?!

В голосе Юли прозвучало такое удивление, словно она произнесла слова «Иисус Христос», а я не поняла, о ком идет речь. Неожиданно я обозлилась на наглую девицу: ну с какой стати мне всех знать!

– Понятия не имею об Архипе Сергееве, – рывкнула я

– Вот! Вы таки рассердились, – заныла Юля, – теперь откажетесь прийти, а меня уроют.

Я тяжело вздохнула. Ситуация прояснилась. Юля небось работает администратором на телевидении, и в ее обязанности входит приглашать гостей в шоу. Меня же с некоторых пор начали звать на всякие передачи. Правда, центральные каналы и примкнувший к ним СТС не жалуют госпожу Виолу, очевидно, не считают ее достаточно популярной. Зато у кабельного телевидения я нарасхват и являюсь теперь звездой телеэкрана, так сказать, третьей категории.

– Что у вас за мероприятие?

– Жутко интересное!

Ясно, бояться, что проект провалится, и потому начинают с персоны, которая не очень будет злиться, если передача не пойдет вообще. Масса программ умирают на стадии так называемого «пилота», и звезды крайне неохотно идут на подобные эксперименты. Потратишь три, четыре часа – и все впустую. Пресс-атташе «раскрученных» артистов, как правило, спрашивает:

– Ваша программа уже стоит в сети? Нет? Тогда мы не придем.

Но мне, только-только делающей себе имя, не пристало кривляться, поэтому я со вздохом сказала:

– Хорошо. О чем речь пойдет?

– Это просто... ну, нужно поболтать.

– Тема какова?

– Ну... о песнях.

– О песнях? Юля, вы меня с кем-то перепутали? Я пишу детективы.

– Нет, – обиженно ответила девушка, – хотя частенько я перевираю чужие имена. Но вас хорошо знаю.

– С какой стати мне говорить об эстраде?

– Ваша последняя книжка о певице.

– Не совсем верно. Там просто в самом начале убивают примадонну, которая некогда пела на сцене.

– Вот видите! – оживилась Юля. – Наша темочка!

Неожиданно во мне проснулся интерес.

– А что, за кулисами часто кого-то убивают?

– Физически нет, – охотно ответила Юля, – но гадостей могут кучу сделать, ну, допустим, насыпят вам в туфли крупную соль.

– Зачем? – абсолютно искренне удивилась я.

Собеседница захихикала:

– Ну а вы попробуйте, напихайте соли себе в ботиночки и походите. Она сначала ноги натрет, а потом растворится, и ссадины будут огнем гореть.

– Вот ужас!

– Ага. А теперь представьте, что в этот момент вы по сцене скачете! Ой, вы лучше скажите – придете?

– Куда?

– Сегодня вечером, в зал «Рондо», к девятнадцати часам.

Я изумилась до крайности:

– «Рондо»? Но это же одна из самых крупных площадок Москвы, думаю, очень дорогое место.

Похоже, программа не стеснена в средствах, что весьма странно для кабельного телевидения. Группы, снимавшие меня до сих пор, делали это или в крошечных, скромно оборудованных студиях, или на улицах, или у нас дома. Последний вариант обычно нравится телевизионщикам больше всего: и «объект» запечатлен на пленку, и чаю с пирожными попили. А тут «Рондо». Ладно, поудивлялась – и хватит, теперь займемся делом.

– Договорились.

– Ой, здорово, ну классно, вот повезло, – принялась бурно радоваться Юля, – я так боялась, что вы откажетесь! Ума не приложу, к кому бы я тогда обратилась. А вы! Такая милая! Замечательная, покладистая!

С одной стороны, я очень люблю, когда меня хвалят, с другой, став объектом восхищения, начинаю смущаться, поэтому в ответ на слова Юли я сказала:

– Ну что вы! Это такие мелочи.

– Не скажите, – произнесла девушка, – я вчера весь день народ обзванивала. Чей только номер не набирала, везде облом! У Акунина телефон на факсе стоит, Маринина за границу уехала, у Татьяны Устиновой, правда, снял трубку какой-то мужик по имени Иван. Я его прошу: «Сделайте одолжение, скажите писательнице о нашем предложении», – а он так вежливо в ответ: «Сообщу, конечно, только у Татьяны все дни до десятого августа расписаны. Разве можно занятого человека вечером, накануне мероприятия звать? Очень неразумно, если

не сказать неприлично!» – Юля шумно перевела дух и продолжила: – Да, согласна, это слегка бесцеремонно. Но не могу же я сказать людям правду: мы за месяц до действия договорились со Смоляковой, получили согласие и успокоились. А вчера утром перезвонил ее пресс-агент и спокойно сообщил: «Госпожа Смолякова очень сожалеет, но она не может приехать в «Рондо». Полный облом! Никто такого не ждал! Что началось! Архип просто взбесился! Он вообще-то хороший, но, если вожжа под хвост попала, жди беды! Ну и пошел Сергеев своих мочить! Народ попрятался, а я-то, дура, под руку ему попала. Он меня схватил и шипит: «Найди кого угодно из писак! Нам нужен детективщик! Не отыщешь – уволю!» Вот как!

Я перестала слушать глупую девицу. Нет бы мне сразу сообразить, что дело нечисто. И с какой стати звать госпожу Виолову прямо в день мероприятия? Так никогда не поступают, и умные люди знают, если вам звонит редактор и, сладко присюсюкивая, просит: «Приходите на передачу через два часа», – значит, местное начальство планировало делать шоу не с вами, а, предположим, со Смоляковой, но та неожиданно заболела, и теперь требуется срочно заткнуть дырку.

Внезапно мне стало жарко. Несколько дней назад начальник пиар-службы издательства «Марко» Федор затащил меня к себе в кабинет и устроил допрос:

– Ну-ка рассказывай, что ты отвечаешь, ежели какая-нибудь журналюга предлагает интервью?

– Ну... соглашаюсь.

– Сразу?

– Да.

– А как о дате договариваетесь?

– Спрашиваю, когда им удобно, и...

– О, боги, – Федор закатил глаза, – Арина, дави в себе дворняжку! Запомни, за тобой должны долго ходить, упрашивать, ныть, клянчить... Только в этом случае тебя станут уважать! По первому зову к корреспондентам бегут лишь убогие. Если ты не изменишь тактику, будешь выглядеть полнейшей идиоткой. И вообще, всегда, когда тебя куда-то приглашают, говори: «Свяжитесь с моим пресс-атташе».

– У меня его нет, – напомнила я ему, – да и зачем? Сама справляюсь с делами.

– Дурочка, – почти ласково пропел Федор, – пресс-атташе, как правило, нужен для понта. Ладно, давай им мой телефон, поработаю на Арину Виолову, уберегу пташку от глупостей. Усекла, цыпа?

Я сочла его предложение идиотским и вот, пожалуйста, попала в глупую ситуацию. Не очень-то приятно знать, что тебя зовут в передачу только потому, что все остальные писатели отказались в ней участвовать. Ну с какой стати я согласилась? Надо было послушаться Федора! Дала бы сейчас его телефон и избежала унижения.

– Значит, мы вас ждем, – дочирикала Юля.

Ну и как теперь поступить? Сказать: «Нет, я забыла про одно срочное дело»? Вот уж глупо.

– «Русское радио» будет очень вам благодарно, – неожиданно выпалила Юля.

Я удивилась:

– А оно тут при чем?

– Как? Я с самого начала сообщила! Сегодня в «Рондо» концерт звезд эстрады, так сказать, репетиция «Золотого граммофона», организатор действия «Русское радио».

– Вы этого не говорили!

– Просто вы не слышали.

– У меня великолепный слух.

– Так в чем дело? – забеспокоилась Юля. – Вы не любите «Русское радио»?

Я постаралась справиться с волнением. Правильно, я «Русское радио» не люблю, я его просто обожаю. Понимаю, что кое-кто сейчас скорчил презрительную гримасу: фу, попса! Может, оно и так! Только мне отчего-то нравятся ехидные высказывания Дмитрия Лебедева или щебет Марселя Гонсалеса. Очень часто, поздно вечером, включив радиоприемник, я слышу: «В Москве двадцать три часа, у микрофона Дмитрий Мерцалов с кратким выпуском новостей». Можно поспорить о правильности построения этой фразы, еще меня удивляет слоган: «В эфире «Русское радио», мы делаем новости». Ну, согласитесь, сотрудники этой компании не взрывают дома, не устраивают встречи глав правительств, не ставят спектакли, они всего лишь рассказывают слушателям о произошедших событиях. На мой взгляд, следует слегка исправить заставку, например, так: «В эфире «Русское радио», мы первыми сообщаем вам новости». Но не об этом речь.

Лично я, услышав, что Мерцалов, Мунгалов или человек с неординарной фамилией Нерознак сидят в данную минуту у микрофона, моментально успокаиваюсь и перестаю στενать о своей тяжелой бабской доле. Я вынуждена работать, когда все остальные женщины давным-давно лежат в уютных кроватях в обнимку с любимыми детективами. От мысли, что на этом свете живут Мунгалов, Мерцалов и Нерознак, которые пашут круглосуточно, и мне отчего-то делается легче. И потом, я ценю их фразу: «Все будет хорошо». Ей-богу, «Русское радио» – редкий представитель СМИ, пожалуй, единственный, который вопреки всему обещает нам это. Оно, конечно, неправда, но так хочется им верить!

– Обязательно приду, – закричала я, – не сомневайтесь. Меня еще никогда не приглашали на «Русское радио».

ГЛАВА 3

К сожалению, я обладаю одной скверной, сильно осложняющей мою жизнь особенностью: приходиться всегда за полчаса до начала мероприятия. Остальные люди, нормальные, являются на всяческие сборища спустя тридцать минут после назначенного срока, а я же, как дурочка, топчусь и жду, когда меня заметят.

Вот и сегодня я приехала к «Рондо» в половине седьмого и увидела, что большая парковка совершенно пуста. Правда, около входа в концертный зал толпилось несметное количество людей, но я-то звезда, следовательно, обязана прибыть позже, и потом, никакого билета у меня нет. Юлия сказала, что ровно в девятнадцать ноль-ноль встретит писательницу Виолу у дверей для артистов.

– Вы ступайте по красной дорожке, – наставляла меня она, – и я вас встречу.

Но сейчас никаких дорожек я не заметила, оттого и маялась в легком недоумении. Было непонятно, куда деваться. Не успела я сообразить, что делать, как откуда-то сбоку появилось несколько парней в синих комбинезонах, тащивших огромный рулон.

– Вот тут швыряем, – велел один из них.

Рулон шлепнулся на асфальт и начал разматываться в ковровую дорожку. Тут лишь до меня дошло, что никто не ждет звезд столь рано.

Быстро оглянувшись, я вернулась к метро и устроилась в крохотной кофейне. Нет, Федор прав, писательница Арина Виолова настоящая дворняжка – ведь я пришла в жуткий экстаз от того, что меня позвали на праздник. Значит, сижу тут ровно до половины восьмого, пусть устроители шоу подергаются, помучаются, попереживают. Начнут бегать испуганными курицами и восклицать: «Господи, вдруг она не приедет! Опоздает!»

И тут появлюсь я, красивая, долгожданная...

Ровно в семь меня смело с неудобного пластикового стула. Оставив на колченогом столике чашку недопитого, на редкость гадкого кофе, я рванула к «Рондо». Еще опоздаю, и меня не пустят в зал.

За время моего отсутствия на парковке произошли изменения. Теперь там стояло несколько роскошных иномарок. По непонятной причине я замерла и стала разглядывать до блеска натертые автомобили. Послышалось легкое шуршание, и возле меня припарковался замечательный «Кадиллак». Распахнулась дверь, наружу выбрался симпатичный мужчина, я вздохнула. У «Кадиллака» оказались ярко-красные кожаные сиденья. Имей я деньги на подобную тачку, непременно бы захотела такую машину – очень уж необычно и шикарно смотрелся салон.

– Богдан! – послышался девичий голос. – Хай!

Мужчина обернулся, я тоже посмотрела в ту сторону, откуда шел звук. Высокая, очень красивая девушка, стоявшая у черного «Мерседеса», махала рукой.

– У нас сегодня праздник, – мелодичным речитативом выговаривала она, – а все благодаря вам.

– И вам тоже, – улыбнулся хозяин «Кадиллака» с красивыми сиденьями.

Продолжая улыбаться, он пошел по ярко-красной дорожке, огражденной со всех сторон железными барьерами. Обычная публика скромно втекала через другой, расположенный сбоку вход. Но основная масса зрителей выстроилась вдоль барьеров и бурно приветствовала появляющихся кумиров.

Я подошла к милиционерам, маячившим у начала ковровой дорожки, и вежливо сказала:

– Здравствуйте.

– Чего надо? – буркнул один из них.

– «Русское радио» позвало меня на концерт.

– Приглашение.

– Его нет.

– С билетом через тот вход!

– Но мне надо сюда.

– С какой стати? Здесь звезды проходят, а ну подвинься, – рявкнул мент и, небрежно оттеснив меня в сторону, раздвинул железные ограждения.

– У-у-у-у, – взвыла толпа.

На дорожку ступила стройная темноволосая девушка, настоящая красавица, облаченная в рваные джинсы и сильно потертую курточку.

– Жасмин, – заорали фанаты, – вау!

Певица, улыбаясь, пошла к входу, публика бесновалась.

Я снова тронула милиционера за рукав.

– Видите ли, я тоже являюсь звездой.

– Чего? – спросил парень, подтаскивая на старое место железки. – В каком месте звездишь?

– Я писательница, Арина Виолова, может, слышали?

– Неа, вот Устинову я читал.

Решив не обижаться на плохо воспитанного юношу, я ткнула пальцем в сторону широко раскрытых дверей.

– Меня там ждет Юля.

– Ничего не знаю!

– Но как мне быть?

– Послушай, – прошипел мент, снова отталкивая меня в сторону, – вали отсюда, не мешай звездам.

– Мне туда надо!

– Позвони своей Юле, пусть сюда подойдет.

– Она не оставила номера телефона, – растерянно пробормотала я.

– Еще тут минуту постоишь, – пообещал парень, – и наши тебя урокут.

Испугавшись, я переместилась вправо. Часы показывали уже двадцать минут восьмого, на парковке стало тесно от иномарок. Похоже, я одна из гостей заявилась пешком.

Около входа на дорожку образовалась очередь из VIP-персон. Воспользовавшись суматохой, я быстро поднырнула под железные прутья и пристроилась к мужчине невысокого роста в белом костюме. Пойду около него, может, охранники примут меня за его спутницу. Но чем ближе мы подбирались к началу красной ленты, тем сильнее колотилось мое сердце.

– Простите, – дернула я за рукав мужчину в белом костюме.

– Да? – Он повернул ко мне очень знакомое лицо.

– Видите ли, я писательница Арина Виолова.

– Рад встрече, – кивнул собеседник.

– Меня позвали на концерт.

– Надеюсь, не петь, – хмыкнул он.

– Нет, конечно, в качестве гостя. Сделайте одолжение, помогите мне.

– Каким образом?

– Я никогда не ходила под таким пристальным вниманием людей, – зачастила я, – знаете, мы, писатели, существа робкие, слегка аутичные, не приученные к аплодисментам. Очень боюсь споткнуться и упасть... Короче говоря, можно я возьму вас под руку?

На какую-то секунду мужик оторопел, но потом усмехнулся и хриплым баритоном сказал:

– Рад оказать столь несущественную услугу!

Я вцепилась в его локоть и удивилась. Под тонкой тканью пиджака перекачивались литые, совершенно железные мускулы. Может, мой спутник вовсе не музыкант, а спортсмен? Но откуда мне так хорошо знакомо его лицо?

Мент начал отодвигать железку и увидел меня. Глаза парня округлились, я покрепче уцепилась за спутника, и мы беспрепятственно ступили на красный ковер.

– А-а-а-а, – завопили фанаты, – Газманов Олег, Олег, Олег...

Тут только до меня дошло, что я вишу на очень популярном эстрадном певце, не далее как вчера я чуть не зарыдала, слушая его песню «Прощай». Надо же, он ниже ростом, чем я предполагала, но улыбка замечательная и глаза красивые.

Газманов быстрым шагом двинулся к входу, я, проклиная шпильки и узкое платье, поспешила за ним. Войдя в здание, певец спросил:

– Дальше идти одной не страшно?

– Нет, спасибо.

Сделав приветственный жест рукой, Газманов легкой походкой человека, приученного к ритмичным движениям, быстро исчез в коридоре. Я спросила у стайки девушек, маячивших у входа:

– Юлю не видели?

– Это кто? – весело поинтересовалась одна из длинноногих красоток.

– Сотрудница «Русского радио».

– Мы их не знаем, представляем агентство «Старз», – хором ответили манекенщицы.

– Вы по бейджикам смотрите, – посоветовала единственная среди блондинок брюнетка, – и у сотрудников «Русского радио» футболки оранжевые с черными буквами.

Я пошла по извилистым коридорам, вглядываясь в толпу. Народу в скрытой от зрителей части концертного зала было очень много. Артисты в невероятно ярких одеждах, обвешанные фотоаппаратами и диктофонами журналисты, мрачные охранники в черных костюмах и белых рубашках с галстуками, длинноногие девочки с кукольными лицами, жеманные мальчишки, сильно пахнущие одеколоном... У многих на шее на шнурках болтались разноцветные бейджики. Через некоторое время я разобралась в ситуации. На синих карточках написано «Артист». Впрочем, далеко не все звезды нацепили на себя «опознавательный знак». Только что мимо меня бодро процокала на высоченных каблучищах Марина Хлебникова. Ее стройное тело облегалось ярко-красное платье, такое может позволить себе лишь женщина, обладающая идеальной фигурой. На Хлебниковой даже самый злой ее враг не найдет ни одного лишнего грамма жира! Певица была без бейджика. Хотя зачем он ей? Марининой визитной карточкой является ее лицо.

Зеленые таблички имели журналисты, на желтых было начертано загадочное слово «ОБС», а вот людей в оранжевых футболках не нашлось. Все сотрудники «Русского радио» словно под землю провалились. В конце концов я устала и захотела пить. И именно в этот момент на глаза мне попался парень с бутылкой минералки.

– Здесь можно купить воду? – спросила я у него.

– В буфете, – последовал ответ.

– И где он?

– По коридору налево.

Я быстро рванула в нужную сторону. В конце концов я попала за кулисы, теперь пусть Юля сама ищет писательницу Виолу. Наверное, скоро начнется концерт, и я приткнусь на какое-нибудь местечко, навряд ли у VIP-персон станут проверять приглашения перед входом в зал. Придя в отличное расположение духа, я потрусилась вперед. Коридор делался все уже и уже, свет тусклее, народ перестал попадаться навстречу, но я тупо шла в указанном направлении. И где тут буфет? Пить хотелось смертельно.

Внезапно на пути возникла колонна. Большая, белая, уходящая ввысь, она преграждала мне путь. Я чертыхнулась, обошла препятствие слева, запуталась в какой-то тряпке, свисавшей с потолка, попыталась не упасть, но все же не удержалась на ногах и шлепнулась на какие-то непонятные деревяшки.

Мне стало больно и очень обидно. В конце концов, я не напрашивалась на этот концерт, меня пригласили, а что получилось? Никто меня не встретил, ничего не объяснил. Да, вокруг артистов и журналистов тоже не бегали сотрудники «Русского радио», но люди шоу-бизнеса и борзописцы находятся в привычной обстановке, им экскурсовод по закулисам не нужен! А ведь можно было догадаться, что писательница Арина Виолова растеряется, она-то отнюдь не Пугачева!

Кое-как встав на ноги, я отряхнула платье и с радостью отметила, что колготки остались целы – хоть в чем-то повезло. Минимально приведя себя в порядок, я собралась снова двинуться по коридору. Душа преисполнилась мрачной решимости. Так, сейчас во что бы то ни стало отыщу эту Юлю, заставлю ее принести воды, потом потребую отвести меня в туалет, чтобы окончательно принять надлежащий вид, а затем... затем...

Вообще говоря, надо бы громогласно заявить: «Меня еще никогда так не обижали», – и, гордо повернувшись спиной, уйти прочь.

Уж не знаю, зачем я понадобилась «Русскому радио», но пусть они обходятся без Арины Виоловой. Однако мне очень хочется посмотреть концерт, когда я еще выберусь на подобное мероприятие, да и Кристина сунула мне в сумку блокнот, приказав: «Найдешь «Дисотеку «Авария» и Орбакайте, немедленно возьми у них автографы! Не вздумай вернуться ни с чем. Я уже наврала девчонкам, что имею эти подписи».

Представляю, какой скандал устроит Крестя, когда узнает, что я убежала прочь, обидевшись на незнакомую Юлю!

– Убить тебя мало! – донеслось из темноты.

Правильно! Именно эту фразу произнесет Кристина.

– Сволочь!...!!

Нет, такого Крестя никогда не скажет, по крайней мере, в мой адрес.

– ...! ...! ...!

И тут до меня дошло, что с той стороны занавеса, из темного уголка коридора, доносятся разговор двух мужчин. Осторожно отодвинув противно пахнущую материю, я увидела в щелку незнакомые фигуры. Одну кряжистую, коротконогую, одетую в джинсы и сильно мятую светлую куртку. Крупную, почти квадратную голову парня украшали темно-каштановые, абсолютно прямые волосы, лицо было круглым, с широко поставленными карими глазами. Лопатообразный нос нависал над узким ртом.

На мой взгляд, представителю мужского пола совсем не обязательно быть красавцем. Мужчин красит не персиковый цвет лица и белокурые локоны, а широта характера, способность на поступок, отсутствие занудства и умение зарабатывать приличные деньги, поэтому я целиком и полностью одобряю русскую пословицу, гласящую: «С лица воду не пить!» Но парень в джинсах был не просто некрасив, он казался омерзительным. Может, оттого, что его физиономию сейчас искажала гримаса неприкрытой злобы.

– ...! – выплюнул он.

– Мразь! – ответил его собеседник, одетый в кожаные брюки и некое подобие укороченного пиджака.

Лица этого субъекта я видеть не могла, было понятно лишь, что он выше «джинсового», хотя стройностью тоже не отличается.

– Ты фильтруй базар! – прошипел темноволосый.

– Мало того, что ты брехун, так еще и бьешь Минну, – заявили «кожаные штаны».

Рубашка говорившего задралась, стал виден брючный ремень, широкий, весь в железных заклепках.

– Заткнись... – язвительно перебил его низкорослый. – Денежки любишь, а?

Высокий мужчина сделал быстрое движение рукой. Оно было настолько стремительным, что я не поняла, каким образом темноволосый в одно мгновение оказался на полу, парень в кожаных брюках сел на поверженного противника верхом и начал методично бить «джинсового» лбом о пол.

– Сука!

– ...!

– ...!

– ...!

Нецензурная брань металась под потолком. Я зажала себе рот и нос руками, боясь громко чихнуть. Дерущиеся мужчины подняли невероятную пыль. Похоже, уборщица никогда не добирается до этого закутка, а еще от занавески несет смрадом.

Вдруг драпировка, расположенная в другой части отгороженного пространства, заколыхалась, за ней промелькнула тень. На секунду мне показалось, что там кто-то стоит и тоже наблюдает за дракой. Стараясь оставаться незамеченной, я попятилась, наткнулась на какую-то преграду, прижалась к ней, поняла, что она подалась, и в ту же секунду я очутилась в небольшом холле, набитом гомонящими людьми. За занавесом оказалась дверь.

Сделав машинально пару шагов вперед, я увидела перед собой растрепанную тетку полубезумного вида. Тушь с ресниц красавицы осыпалась на щеки, губная помада размазалась, черное платье украшали пятна. Сначала я обрадовалась: значит, среди массы расфуфыренных гостей попадают и такие экземпляры, я выгляжу не хуже всех!

Но через секунду сообразила, что одна из стен комнаты представляет собой зеркало и жутковатая бабенка не кто иной, как я сама, собственной персоной!

Судорожно оглядевшись по сторонам, я заметила дверку с надписью «Дамы» и ринулась туда, не обращая внимания на недовольные гримасы присутствующих.

Влетев в туалет, я хотела раскрыть сумочку и поняла, что ее нет. Ну вот, ухитрилась невесть где потерять крохотный ридикюльчик из замши. Получив новый пинок от судьбы, я попыталась дрожащими руками пригладить вздыбленные волосы, тем временем подсчитывая размер ущерба.

В небольшую торбочку, показавшуюся мне крайне подходящей к вечернему платью, я впихнула массу всяких нужных вещей: паспорт, ключи, косметичку, кошелек, расческу, мобильный телефон и несколько бумажных платков. Влезло все это в нее с трудом, но я очень постаралась и теперь лишилась всего разом! Ладно, расческу не жаль, кошелек старый, и лежало в нем всего триста рублей. Обидно, но терпимо. Бумажные платки тоже не представляют собой никакой ценности. Вот мобильник – это намного хуже, а уж ключи с паспортом вообще катастрофа. Мало того, что придется восстанавливать документ, – а тот, кто хотя бы один раз занимался подобным делом, знает, какой это геморрой, – так еще потребуются сменить замок на двери, потому что если сумочку обнаружит криминальная личность, она получит не только «отмычку», но и точный мой адрес! Представляю, что скажет Куприн, узнав о потере.

Застонав от злости, я решила умыться. Лучше уж совсем без макияжа, чем с тем, который «украшает» сейчас мордочку писательницы Арины Виоловой. Может, стоит пойти поискать сумочку? Вдруг я обронила ее там, около занавески?

Дверь туалета распахнулась, появилась девица в ярко-оранжевой футболке. Черноглазая, черноволосая, смуглая, она принялась распахивать дверцы кабинок и обозревать унитазы. Не найдя нужной особы, вошедшая уставилась на меня, взгляд у нее был совершенно затравленный. Потом бормотнув: «Пусто», – она неожиданно спросила:

– Вы Лешу Барсукова тут не видели?

Мне стало смешно.

– Нет. Вообще-то это женский туалет!

– И чего?

– Вряд ли ваш Барсуков пойдет пописать в место, где на двери написано «Дамы!»

– Верно, – протянула девушка, – я с этим концертом окончательно офигела.

Потом она уставилась в зеркало и взвизгнула:

– Ой, это я! Какой кошмар!

– Похоже, вы увидели мое отражение, – ухмыльнулась я.

– Ага, – растерянно сказала незнакомка, – то-то я удивилась, вроде в оранжевом была.

Где вы так извозились?

– Упала.

– Давайте платье вам почищу!

– Спасибо.

– Да не за что, – улыбнулась девушка и стала рыться в висевшей на поясе сумочке, – мне папа, он военный, твердит: «Юля, всегда носи с собой щетку, пригодится!»

– Ах, так вы Юля, – протянула я.

– Ага.

– Сотрудник «Русского радио»?

– Точно. Вот здесь на футболке надпись, неужели не заметили? Мы встречались?

– Нет, – прошипела я, – но вы мне очень нужны, я страшно рада увидеть вас наконец воочию. Разрешите представиться, писательница Арина Виолова, приглашенная вами на концерт в качестве замены великой и несравненной Смоляковой!

ГЛАВА 4

- Арина! – обрадовалась Юля.
- Вы меня не встретили!
- Э... Ну... я стояла у входа.
- Неправда.
- Ну... может, конечно, не в семь, а в пять минут восьмого.
- Вас и в половине не было.
- Э... да?
- Да!
- Э... Но вы же попали сюда!

Я чуть не задохнулась от негодования. Очевидно, на моем лице отразились все бушующие в душе чувства, потому что Юля внезапно развила бешеную активность. Сначала она с быстротой молнии почистила мое платье, потом, мухой слетав куда-то, приволокла целый ящик косметики, фен и заботливо засуетилась вокруг меня.

- У вас туфли испачканы, и вот это пятно, похоже, не отчистится. Жаль обувь.
- Это точно, – кивнула я, – купить мой размер проблема.
- А какой у вас?
- Сороковой.
- Да ну?
- Вас это смущает? – обозлилась я.
- Не-а, – рассмеялась Юля, – просто вы маленькая, худенькая, как я, а нога большая!

Сейчас смеяться будете!

- С какой стати?
- И у меня сороковой размер, – сообщила Юля, – думала, я одна такая на свете, от горшка два вершка, а ноги как лыжи! Хорошо, что с вами познакомилась, все комплексы пропали.

Я улыбнулась. Похоже, на Юлю невозможно злиться. Интересно, сколько ей лет?

Минут через пять, когда мое лицо и волосы приобрели сносный вид, Юля вытолкала меня в холл VIP-буфета, нырнула в толпу и буквально через секунду принесла минеральной воды и картонную тарелочку, на которой лежали пара бутербродов и конфеты.

- Что вы пьете? – деловито осведомилась девушка. – Водку, коньяк, вино, шампанское?
- Хватит воды, спасибо.
- Вы сердитесь?
- Нет.
- Почему тогда водки не хотите?
- Не люблю ее.

Юля кивнула и снова ринулась в толпу. Я спокойно встала у стены и, поглощая бутерброды, стала разглядывать тусовку. Большинство лиц было мне знакомо. Почти всех присутствующих я видела по телевизору, но сейчас никак не могла припомнить их имена. Вон тот длинноволосый парень в абсолютно не подходящей для мужчины нежно-розовой кружевной рубашке, он кто? Певец? Музыкант? Танцор?

Чем дольше я смотрела на толпу, тем большее уныние охватывало душу. Да уж, я в своем элегантном «маленьком черном платье» и в лодочках на шпильках выгляжу, как рояль среди павлинов.

Практически все VIP-персоны были в живописных лохмотьях: рваных джинсах, потертых куртках, сильно измятых рубашках... Поражала и цветовая гамма. В непосредственной близости от меня стояла стройная блондиночка, я видела ее фигуру со спины. Девушка нарядилась в длинную юбку из золотой чешуи, ядовито-розовый, похоже, кожаный пиджак, кис-

лотно-зеленую кепку и оранжевые, длиной до локтя перчатки. Туалет довершала сумочка: крохотный комочек меха на кожаных ручках. В какой-то момент девица обернулась, и я вздрогнула: у нее было тупое лицо человека, не обремененного никакой мыслительной деятельностью, – длинное, с крупным носом, тяжелым подбородком и узким лбом.

– Держите, – гаркнула материализовавшаяся невесть откуда Юля и сунула мне в руки пузатый фужер, на дне которого плескалась темно-коричневая жидкость.

Я машинально взяла бокал.

– Что это?

– Хороший коньяк! Ну не такой, конечно, как Архип пьет, но все же приличный! – скороговоркой сообщила Юля. – Вы сами сказали: «Водку не люблю», – а раз так, остается только коньяк. Хотя, может, вискарь предпочитаете? Не советую, тут ни льда, ни содовой, придется с колой хлебать, а лично меня от такого сочетания блевать тянет.

Я вздохнула, пожалуй, Юля не поймет, если признаюсь, что не переношу алкоголь вообще. Девушка в зеленой кепке окинула меня оценивающим взглядом, скорчила гримаску, потом повернулась к своему спутнику – высокому стройному мужчине с восточной внешностью – и капризно протянула:

– Больше я на такие концерты не хожу, сплошной бардак и никакого удовольствия. Ну, с какой стати сюда посторонних пускают?

Бесцеремонность и невоспитанность девицы изумляли, но долго удивляться мне не пришлось.

– Пойдемте в зал, посажу вас, – потянула меня за рукав Юля.

Я покорно двинулась за ней.

Мое место оказалось во втором ряду, возле обвешанной с головы до ног бриллиантами женщины. Впрочем, больше ничего порочащего о ее внешнем виде сказать не могу. Дама была тоже в черном, но не в платье, как я, а в брючном костюме из очень легкой ткани.

Увидев меня, она радостно воскликнула:

– Обожаю вас!

– Я вас тоже, – на всякий случай ответила я.

Первый раз попала на тусовку звезд шоу-бизнеса, ей-богу, не знаю, может, у них принято так приветствовать друг друга?

– Ну, вы-то меня не знаете, – захихикала тетка.

– Вы меня тоже!

Дама заломила руки.

– А вот и неправильно! Я прочитала все ваши книги!

– И вас не стошнило?

– Что вы! Восторг! А названия! «Хобби глупого лисенка», «Вальс в ластах». Как только вы такое придумали! Знаете, когда меня стали приглашать на концерт, я первым делом спросила: «Смолякова будет? Посадите нас рядом, я от нее фанатею!» Устраивайтесь скорей! Меня зовут Элен, я модельер, обшиваю этот бардак. Вот где полно тем для ваших детективов! А сколько я всего знаю! Давайте после концерта пошуршим немного! Поедем пожрать! Вы не пьете коньяк? Можно я допью? Кстати, как вас на самом деле зовут? Анна или Милада? Я слышала и то и то имя! Впрочем, не отвечайте, я уже сообразила, одно из них – псевдоним! Угадала? Эй, Петя, у тебя фляжки случайно нет?

Последняя ее фраза относилась уже не ко мне, а к загорелому, слишком ухоженному, похожему на карамельку мачо, усевшемуся по правую руку от Элен.

– Нет, – весьма невежливо буркнул тот и отвернулся.

– Гондон, – шепнула мне Элен, – ты согласна?

Я машинально кивнула.

– Эй, Тулуз-Лотрек, – обернулась Элен к маленькому, замотанному в кожу дягечке, – ты случайно коньяковского не прихватил?

– Могу принести, – услужливо сказал мужчина.

– Классно, – обрадовалась Элен, – давай, на полупальцах.

Внезапно мне захотелось пить.

– Простите, Тулуз-Лотрек, – позвала я.

– Слушаю.

– Не прихватите для меня бутылочку минералки?

– Дорогой, – пропела Элен, – я бы на твоём месте потом припрятала порожнюю упаковку. Узнаешь мою соседку? Великая Смолякова! Эй, люди, хотите автограф? Пользуйтесь моментом!

Я не знала, куда деваться от неловкости. Сказать этой шумной и, похоже, сильно выпившей Элен, что являюсь писательницей Ариной Виоловой? Следовало сразу указать ей на ошибку, в тот самый момент, когда она стала кидаться мне на шею, но отчего-то я постеснялась это сделать и вот теперь оказалась в крайне идиотском положении.

– А продолжение серии про Таню Емельянову будет? – не отставала Элен. – Ой, скажите, вы её с собой писали, ну признайтесь! Сейчас смотрю на вас и понимаю, что вы очень и очень с ней похожи!

Вот тут я обозлилась по-настоящему. Дело в том, что я сама охотно читаю книги Смоляковой, бойкая литераторша пишет их сериями, и главная героиня одной – некая Таня Емельянова, тщедушное ущербное существо, хромоножка, мягко говоря, не красавица, полная дурочка, умудряющаяся распутывать дела исключительно по случайности. Если писательница под этим именем в книгах вывела себя, то стоит позавидовать её чувству юмора и полному отсутствию комплексов, но лично я совершенно не хочу походить на эту придурковатую особу, я имею в виду Емельянову, а не Смолякову.

– Ничего общего у нас с ней нет!

– Да, – вдруг смутилась Элен.

– У меня обе ноги нормальные!

– Ага.

– И я не падаю через каждый шаг, спотыкаясь обо всё, что только можно!

– Ага.

– Я вообще не выгляжу идиоткой!

В этот момент из буфета примчался маленький мужчина и протянул Элен плоскую бутылочку коньяка, а мне минеральную воду.

– Мерси тебе, Тулуз-Лотрек, – рявкнула модельер, потом ловко скрутила пробку и одним глотком отхлебнула почти половину содержимого.

Я так же быстро расправилась с минералкой.

– Ну, душечка, – слегка заплетаясь языком завела Элен, – простите, иногда я леплю глупости, но это не со зла. Ясное дело, что писательница Смолякова, красавица и умница, совершенно не похожа на дурочку Таню, но вы так детально описали, как у неё болит нога, что...

Я набрала полную грудь воздуха и решительно заявила:

– Меня зовут Арина Виолова, вернее, под этим псевдонимом я пишу детективы, а, так сказать, в мире являюсь Виолой Таракановой, впрочем, друзья зовут меня Вилкой.

Элен вытаращила глаза, моргнула пару раз, потом растерянно протянула:

– А где Смолякова?

– Она не смогла прийти, меня позвали вместо неё!

– Э... Тулуз-Лотрек, – выкрикнула Элен, – достань ещё коньяку.

– Сделайте одолжение, Тулуз-Лотрек, принесите заодно и воды, – добавила я.

– Бегу, девочки, – кивнул мужчинка и улетел.

Элен осторожно взяла меня за руку.

– Вы не обиделись?

– Конечно, нет, – улыбнулась я, – забавно вышло.

Элен засмеялась:

– Ну и дура же я, давайте начнем знакомство заново. Здравствуйте, я Элен, шью костюмы для многих звезд.

– Очень приятно. Виола Тараканова, она же Арина Виолова, автор детективных романов, – подхватила я игру.

И тут по залу заметались огни, из огромных динамиков, расположенных на краях сцены, понеслись оглушительные звуки, из правой кулисы выскочил мужчина в костюме и затараторил:

– Ну, отлично, мы, не побоюсь этого слова, начинаем наконец-то концерт. Все стары, супер-стары, перестарки, стартётки и стардетки уже прыгают в ожидании выхода, а пока поприветствуем меня, Николая Фоменко.

Зал радостно зааплодировал. Было понятно, что люди пришли повеселиться и теперь рады любому поводу, чтобы посмеяться и порадоваться.

– Николаша полный идиот, – раздалось сзади.

Я осторожно повернула голову и мигом узнала говорившую: девица в зеленой кепке и чешуйчатой юбке.

– Балаганная обезьяна, – спокойно продолжала девушка, – скажи, Макс!

– Ты слишком категорична, – лениво протянул ее спутник, – Николя шутит, как умеет, давай простим ему это.

Парочка гнусно захихикала, и я ощутила обиду за Фоменко, лично мне этот шоумен доставил много радостных минут еще в те годы, когда вел безумно смешные передачи на нашем телевидении, первые шоу, увы, не помню, как они назывались, вроде «Гвозди».

– Тише, Сю, – неожиданно заявила Элен, – ты брызжешь ядом, капля твоей слюны может попасть мне на шею и прожечь в ней дырку. И кроме того, многие неприятные болячки передаются воздушно-капельным путем, и я не уверена, учитывая твой образ жизни, что не подцеплю заразу.

– Фу, – взвилась девица, – лучше я пойду выпью.

С этими словами она вскочила и пошла к проходу, ни разу не извинившись перед теми, кому наступила на ноги.

Ее спутник расхохотался:

– Элен, ты жестока.

Моя соседка поморщилась:

– Макс, я не люблю крыс, даже если они прикидываются шиншиллами с драгоценным мехом.

– Не дай бог попасть тебе на язык, – не успокаивался Макс.

Я попыталась сосредоточиться на сцене. Там в свете софитов тоненьким голоском худенькая рыжеволосая девочка выводила:

– Люби меня до смерти, люби меня до жизни, люби меня всегда, как я люблю тебя...

У меня начала болеть голова, вот уж не предполагала, что сидеть возле самой сцены огромное испытание: шумно до безумия и пахнет пылью.

– Bravo поющим макаронжи! – взвизгнула Элен, когда девочка стала кланяться.

– Она и правда слишком худенькая, – задумчиво протянула я, – но, может, не стоит намерять на недостатки ее внешности? Небось хочет потолстеть, а не получается.

Элен захихикала:

– Ты дуручка! Это же Люси, она живет с парнем, который монополизировал почти все производство макарон, вот теперь и спонсирует девушку, просто цирк! Хотя, следует признать, Люси не худший вариант.

– Ты, похоже, всех знаешь, – улыбнулась я, – скажи, кто эта противная кривляка?

– Которая? – завертела в разные стороны головой Элен. – Их здесь много!

– Ну, та, что сидела за нами, а потом ушла в буфет.

– Сю?

– Ее так зовут? Ну и имечко! Еще хуже моего!

Элен навалилась на меня своим полным, жарким телом и зашептала:

– Сейчас все тебе расскажу. Сю дочка одного очень крупного чиновника. Папенька нашей красотки пару лет назад погиб. Пристрелили его, похоже, за дело. Впрочем, точно не знаю и злопыхать не стану. Вдова убитого быстро стала бизнес-вумен, чем-то она там торгует, извини, деталями не интересовалась, мне на сию мадаму наплевать, только ее все время по телику показывают. То тетка премии вручает, то по детским домам с гуманитарной помощью шастает, то пенсионеров бесплатными обедами кормит. Сю – их дочь, студентка, ни хрена не делает, таскается по тусовкам, естественно, не работает, да и зачем бы ей утруждать себя...

– ...если мама денежки отсчитывает, – закончила я.

– Вот тут ты не права, – с совершенно серьезной миной заявила Элен, – Сю – наше переходящее знамя.

– В каком смысле? – не поняла я.

Элен заржала:

– Переходит из рук в руки. Живет за счет любовников, выискивает мужиков богатых. Среди бизнесменов ходит такое мнение, что если Сю с тобой спать ложится, значит, дела у тебя в порядке. Сю почище налоговой полиции прибыль чует. На данном отрезке жизни она потрошит Макса, но этого так просто не опустошить, ведь верно, котя?

Элен обернулась, я вместе с ней. Но вместо кареглазого мужчины в кресле обнаружился Тулуз-Лотрек.

– Держи. – Он подал Элен новую бутылочку коньяка. Потом протянул мне минералку: – Пей на здоровье.

– Тебя за смертью посылать, – рявкнула вместо благодарности Элен и мгновенно «скушала» коньяк.

– Спасибо, Тулуз-Лотрек, – улыбнулась я, – простите, но я не могу сейчас отдать вам деньги за минералку, потеряла сумочку.

– Возьмите мою визитку, – засуетился он, – только не подумайте, будто должны мне что-то. Ну и глупость вам в голову пришла, однако. Деньги за воду!

Я глянула на белую карточку. «Иванов Сергей Петрович. Художник. Портреты членов семьи и домашних любимцев. Рисую с натуры и по фото».

– Так вы не Тулуз-Лотрек?

– Нет, конечно, он давно умер, – вздохнул Сергей, – кстати, на мой взгляд, его работы вовсе не так уж гениальны.

– Простите, бога ради, но Элен так называла вас, вот я и решила...

– Она говорит, – перебил меня Тулуз-Лотрек, – что я очень похож на импрессиониста внешне: такой же уродливый.

Я окончательно растерялась.

– С нами, не побоюсь этого слова, восхитительная Эвелина, – возвестил в это время Фоменко.

Высоко подняв полные руки, из-за кулисы вылетела женщина, одетая в нечто переливающееся, блестящее, короткое. Я первый раз видела певицу Эвелину, песни ее частенько крутят на «Русском радио», и следует признать, что голос у нее есть, но вот внешность!!!

Эвелина походила на молодую, здоровую, мускулистую лошадь. Сильные ноги украшали белые сапоги, попа вываливалась из-под плиссированной набедренной повязки, призванной служить юбкой, выше тонкой талии шел туго зашнурованный корсет, из него норовил выскочить наружу слишком пышный, угрожающе торчащий бюст. Огромные, какие-то надутые ярко-красные губы, слишком блондинистые волосы и наливные щеки довершали картину. Желая казаться невероятно сексуальной, певица явно переборщила и теперь выглядела устрашающе. Я бы на месте мужчины, увидав диву, испытала бы не желание, а оторопь.

– Эвелина, – пьяно завопила Элен, – чудо пластической хирургии! Что у тебя с губами? Рыбка моя, ты слишком сильно разеваешь рот, поосторожней, котя, гель может вытечь наружу. А грудь! Эвелина, ау! Ты меня слышишь? Еще пару месяцев назад, когда мы шили тебе платьишко, у вас, мон ами, сразу под шеей начиналась Марианская впадина. А теперь! Ну и перси! Кстати, подай в суд на своего пластического хирурга, ну с какой стати он тебе вместо нормальных сисек попу пришил? А задница! Дженифер Лопес отдыхает. Эй, Эвелина, сюда глянь, я тут!

По проходу к нам пробирался мужчина, на его шее мотался оранжевый бейдж «Русское радио». Пресс-служба, Родионов Петр».

– Элен, – сладко завел он, – хотите коньяку?

– Да, – икнула модельер, – кто ж откажется?

– Пошли за кулисы, мы там VIP-банкет организовали, туснемся на славу, – улыбнулся Петр, – дорогого коньяка – море разливанное.

Элен кивнула, стала было подниматься, но потом кулем обвалилась назад, в кресло.

– Без нее никуда, – ткнула она в мою сторону.

Петр умоляюще сложил руки.

– Ну, пожалуйста!

– Эй, Эвелина, – снова завопила Элен, – а ножки-то! Ножки! Ты из них куда жир дела? Отсосала и в щеки впихнула? Вот, классно вышло! Хомяк отдыхает!

– Помогите, прошу, мы в долгу не останемся, – наклонился ко мне Петр, – она нам сейчас весь концерт сорвет, а в зале публика. Испортит людям праздник.

Я кивнула и встала.

– Элен, пошли выпьем!

– Ой, спасибо, – обрадовался Петр, – заодно и интервью нашим дадите, мы у всех VIP-гостей берем.

Тут до меня дошло, что приглашение нужно отрабатывать. Наверное, потом «Русское радио» будет давать эти интервью в своем эфире. Естественно, устроителям хочется, чтобы теплые слова о концерте сказали не только певцы, но и люди других творческих профессий: писатели, художники, модельеры.

Элен бодро чапала за мной, кричать она перестала. Петр довел нас до комнаты, где стоял стол с напитками. Элен усадили в кресло, а меня поставили у стены, включили микрофон, и минут десять я отвечала на совершенно идиотские вопросы. Вы любите песни? А какие? Кто из исполнителей, на ваш взгляд, самый лучший?

Я старательно улыбалась и изображала полнейший восторг, наконец корреспондент от меня отвалился, как насытившаяся пиявка.

– Устала? – спросила, икнув, Элен. – Выпей, легче станет.

Я схватила бокал с водой, одним махом осушила его, закашлялась и тут же поняла: это была не минералка без газа, а водка!

ГЛАВА 5

Первое, что я увидела, раскрыв глаза, был потолок, украшенный росписью: амуры, облака, нимфы. Моргнув пару раз, я попыталась сесть, ощутила ужасный приступ тошноты пополам с головной болью, соскочила с огромного ложа и стала судорожно распахивать все попадающиеся на глаза двери. Гардеробная, еще одна... где-то тут должен быть туалет!

Естественно, вход в санузел оказался последним. Покорчившись над унитазом, я выпрямилась и, ощутив головокружение, села на биде. Где я? Отчего так ломит виски?

Глаза быстро обежали сортир. Ну и пейзаж! Повсюду золото, хрусталь и белые лаковые панели. Стены выкрашены в розовый цвет, в тон им подобраны полотенца, халат и даже мыло.

– Эй, – всунулась в ванную Элен, – жрать будешь?

К горлу подкатил липкий, словно жвачка, и упругий, как теннисный мячик, комок.

– Нет, – простонала я, – ни слова о еде. И вообще, как я сюда попала?

– Двигай на кухню, – велела Элен, – что, не шагается? Ну, бедолага.

Ухватив за руку, модельер поволокла меня по тоннелеобразному коридору, я болталась за ней, как консервная банка, которую шкодливым мальчишка привязал на веревке к трамваю.

– Все Петька, козел, – объясняла Элен, запихнув меня за стол, – сукин сын. Я, когда выпью, болтливая делаюсь...

Я попыталась вздохнуть. На мой взгляд, Элен и с трезвых глаз не способна держать рот на замке.

– Ну Крыжовников и велел Петьке меня нейтрализовать, – трещала модельер. – Сергеев-то ему небось приказал меня до усрачки напоить. Только Петяша кретин и скот. Знаешь, чего он удумал?

– Нет, – мотнула я головой и застонала.

– Он снотворное купил и в водку налил, а я хоть и нажратая, но бдительности не теряю. Увидела его махинации и незаметно подменила бокалы. Извини, не думала, что ты его выпьешь, хотела самому Петьке подсунуть, – каялась Элен.

– Я выпила снотворное пополам с водкой?

– Ага, и заснула. И такое пропустила! Такое!

– Что?!!

– Ну, умереть – не встать! Пока Петька нас за кулисами угощал, в коридорчике нашли тело Романа Волкова! Убитого! Прикинь, а? Эх, Архипа жаль, ну зачем он так! Глупо, ей-богу!

– Ничего не понимаю!

– Господи, – закатила глаза Элен, – повторяю для идиотов! На концерте, пока весь народ тусовался, Романа убили в самом неприметном месте! Тихо и быстро. Поняла?

– Кто он такой?

– Волков? Продюсер!

В моей памяти мигом возникла Лариска, причитающая:

– «Dogs» этому Роману Волкову не понравились, а вот с Майей он работать согласен, но я против, и теперь у нас дома натуральный кошмар.

– Впрочем, мне его не жаль, – продолжала Элен, – жутко гадостный тип, хоть о покойных плохо не говорят, но это тот случай, когда хорошего сказать нечего! Вот Архип...

– А он кто? – Я попыталась въехать в ситуацию.

– Сергеев!

– Кем он работает и почему его жалеть надо?

– Архипа?

– Ну да.

– Так он Романа убил, ножиком чик-чирик! Знаешь, таким, с выдвижным лезвием. Кнопочку нажимаешь, а из рукоятки острая железка вылезает. На, выпей, должно помочь.

Я отхлебнула большой глоток крепкого, сладкого кофе, потом быстро допила всю кружку, почувствовала, что головная боль отступает, и ощутила прилив неуместного любопытства.

– Ножиком? Продюсера? За что?

Элен хитро прищурилась.

– Тут тебе просто сюжет для нового романа.

Услыхав эту фразу, я тут же вспомнила Олеся Константиновну и велела:

– А ну, рассказывай!

– Значит, так, – завела Элен, – Архип Сергеев, Серега Крыжовников и Анатолий Богдан создали «Русское радио», такую радиостанцию, которой раньше никогда не было. Дела у них пошли в гору, и теперь они успешно ворочают бизнесом. А Роман Волков – продюсер, «зажигатель» эстрадных звезд, противный – жуть! Нечистоплотный хам, такой ради пиара на все пойдет! Нравы в шоу-бизе еще те, но даже на этом фоне Рома выделялся. У него на данном этапе было несколько проектов: певичка, певец и группа парней. Солистку Рома бил, а мальчишкам копейки платил.

– Зачем же они на него работали? – удивилась я.

– Об этом потом. – отмахнулась Элен. – Так вот! Волков очень хотел, чтобы его подопечная Минна стала лауреаткой «Золотого граммофона», прямо из кожи лез. Только девочка не тянет. Песни у нее не ахти, да и харизмы нет. Ей лишь по провинции чесать, вот там она зал в Доме культуры соберет, впрочем, и то не факт. В общем, она не формат для такой премии, мелковата курочка.

Волков и так и сяк пытался пропихнуть Минну в ротацию могущественной радиостанции, только ничего не получалось. И тогда он решил пойти старым, испытанным путем. Положил в конверт «барашка» и пришел к Архипу.

Что греха таить, кое-какие теле – и радиодетали берут деньги за показ артистов. Есть и конкурсы, где на лауреатство существует твердая такса. Первое место – одна сумма, третье – другая, ну а простой диплом зрительских симпатий можно получить по бартеру. Хочет какой-нибудь владелец автозавода, чтобы его Лялечка стала лауреаткой, ну и пригоняет тачки для членов жюри.

Поэтому Волков абсолютно не сомневался, что сумеет приобрести для Минны один из симпатичных золотых граммофончиков. Роман вошел в кабинет к Архипу и вытащил пачку баксов.

Сергеев побагровел, но сдержался, что для него, человека вспыльчивого, импульсивного, было сродни подвигу.

– Убери, – велел он Роману, – наша премия честная.

Волков поднял руки:

– Не надо ля-ля. Кому хочешь голову дури, только не мне. За что Орбакайте ее в прошлом году получила, а?

– Кристина талантливый, невероятно работоспособный человек. Она сумела из не слишком больших природных данных выжать все и по праву стать первой, – ответил Архип.

– Вау, – взвизгнул Роман. – Ты щас для кого стараешься? Да забашляла тебе Пугачева за девку!

– Пошел вон, мерзавец! – завопил Архип.

– Че? Мало я предложил? – скривился Роман. – На новую иномарку тебе не хватит? Могу досыпать бабла.

Архип вскочил и моментально скрутил хама. Волкову в тот день очень не повезло. Странно, но он не знал, что Сергеев давно занимается кудо⁴ и, имея внешность увальня, на самом деле способен справиться с двумя, а то и с тремя мужиками, и еще: как это ни удивительно, но «Золотой граммофон» – народная премия, и его лауреатов определяют голосованием зрители. Архип считал этот конкурс своим детищем, он его задумывал и организовывал как честное мероприятие. Только разве можно заткнуть рот журналистам? Периодически то в одной, то в другой газете появлялись паскудные статейки на тему: «Как стать звездой „Русского радио“».

Архип, прочитав очередную клевету, начинал злиться, ломал на своем столе карандаши, ручки и орал на несчастную секретаршу, пытавшуюся напоить его коньяком, валокордином и чаем одновременно. Никакие слова типа «Наплюй на идиотов» или «Они же и о других гадости пишут» на Сергеева не действовали.

«Золотой граммофон» – это его любимая игрушка, мечта, воплощенная в жизнь, предприятие, стоившее Архипу много денег и нервов. Никто не имел права хапать и мусолить ее грязными липкими руками. К слову сказать, и Серега Крыжовников, и Анатолий Богдан тоже свирепели, читая пакостные статейки, но они более сдержанные, Архип же напоминает ребенка.

На беду, в тот день, когда Роман решил дать Сергееву взятку, на столе у Архипа валялась очередная желтая газета, опубликовавшая интервью какой-то никому не известной певички, нагло заявившей: «Все лауреатства на всех конкурсах можно купить».

О «Золотом граммофоне» эта дрянь ничего не сказала, но Сергеев все равно обозлился. Может, приди Волков в другую минуту, Архип и сумел бы удержать себя в руках, но в этот день он просто слетел с катушек. Сначала скрутил Романа, а потом вышвырнул его в коридор с воплем:

– Не смей здесь показываться, объезжай улицу Казакова стороной.

И опять скандал удалось бы замять, но таково уж было везение Волкова, что именно в тот момент, когда он шмякнулся мордой о пол, из студии вышла группа людей, во главе которой вышагивала не кто-нибудь, а сама Алла Пугачева.

Брезгливо обойдя поверженного Волкова, примадонна, обладательница острого, язвительного языка, сказала своим хриловатым, неповторимым, известным всей стране голосом:

– Что-то грязно у них тут! Попросили бы убрать! Приличная радиостанция, а под ногами тряпки валяются!

Если бы Алла Борисовна вдруг, что, конечно, маловероятно, шла по коридору одна, ситуация могла бы и не превратиться в то, во что она превратилась. Примадонна обладает очень редким для женщин качеством: она умеет хранить чужие тайны. Близкие люди хорошо знают, Пугачевой можно совершенно спокойно доверить любой секрет. Алла Борисовна сейф, внутри которого информация сохранится в полнейшей неприкосновенности. Может, сообразив, что Архип не хочет делать скандал с Волковым достоянием общественности, примадонна и промолчала бы. Но, во-первых, Роман был вышвырнут в коридор, по которому туда-сюда сновали сотрудники, а во-вторых, за примадонной стояла толпа клеветников.

Назавтра одна из желтых газет напечатала статью под «пикантным» названием: «Пугачева попросила убрать грязь. При детальном рассмотрении куча дерьма оказалась продюсером В.».

И началась война, да еще какая! Сражение на Чудском озере, Куликовская битва, военные действия на Курской дуге – все меркло перед ней. Дня не проходило, чтобы в газетах и журналах не появлялись материалы, рассказывающие гадости о радиостанции и ее сотрудниках. Очевидно, Волков решил потратить немалые деньги и щедро платил «золотым перьям».

⁴ Кудо – смесь бокса, дзюдо и карате.

Кульминация наступила на концерте. Ни Минна, ни другие «проекты» Романа участия в шоу не принимали, какого черта Волков приперся за кулисы, осталось непонятно. Ну почему он решил посетить мероприятие, которое организовало «Русское радио», чего хотел добиться? Собирался прилюдно закатить скандал, сорвать праздник устроителям?

Боюсь, ответа на этот вопрос уже получить невозможно. Потому что где-то около одиннадцати вечера уборщица обнаружила в темном закутке тело Романа. А вчера, ближе к обеду, задержали Архипа.

Внезапно у меня по спине побежали мурашки.

– Архипа арестовали вчера ближе к обеду?

– Ну да, – спокойно ответила Элен.

– Но вчера был концерт, – растерянно протянула я, – ты сама сказала: тело нашли в районе одиннадцати. Каким образом Сергеева могла днем замести милиция? Его схватили до преступления? Это сильно похоже на фантастический роман, который я читала в юности, там описано, как людей арестовывают лишь при одной их мысли о противоправных действиях!

Элен издала короткий, похожий на хрюканье звук.

– Ты проспала два дня.

– Сколько?

– Ну, Петька, козел, когда снотворное в воду лил, на мой вес рассчитывал, а бокал тебе попался, – зачатила Элен, – я уж врача вызвала с перепугу. Ты дрыхнешь и дрыхнешь, но меня успокоили, дескать, проснется скоро. Во, блин!

– Два дня! – в полном ужасе воскликнула я. – Меня небось вся милиция ищет! Домашние с ума от беспокойства сошли.

– Да нет, я предупредила их, – успокоила меня Элен.

– Каким образом? Ты не знаешь ни где я живу, ни моего телефона!

Элен вытащила из ящика яркий томик.

– Вот, пришлось проявить дедуктивные способности. Купила на лотке «Гнездо бегемота», кстати, весьма увлекательно, прочитала книжонку, не пропадать же добру, нашла название издательства, потом позвонила в это «Марко», попала на некоего Федора, который пообещал разругать ситуацию.

Не слушая больше Элен, я абсолютно бесцеремонно схватила лежавшую на столе трубку, потыкала в кнопки и услышала хорошо знакомый голос:

– Кто стучится в дверь моя, видишь, дома нет меня. Говорите после звукового сигнала. Пи-пи-пи.

– Это Виолова. Федор, пожалуйста...

– Цыпа моя, – воскликнул пиарщик, легализуясь, – я весь внимание.

– С какой стати ты прикидываешься автоответчиком? – возмутилась я. – Нельзя было по-нормальному ответить?

– Исключительно из чувства самосохранения, – заржал Федор, – людишки разные случаются. Вот надясь трезвонил фантаст Молькин. Как всегда, пьяный. Стал требовать небывалую по размаху рекламную кампанию: буклеты, стикеры, воблеры, эфиры, публикации... Потом доперло до дурака, что с магнитофоном треплется, и он сразу заткнулся. А доберись он лично до Федечки, схвати его нежное тело своими грязными писательскими лапами – ой, беда, беда! – вовек бы не отстал! Ох уж, эти авторы!

– Я не пью!

– Знаешь, цыпа, – хихикнул Федор, – до недавнего времени я полагал, что среди многочисленных твоих пороков пьянства нет. Но как я ошибался! Едва начал считать тебя почти идеальным человеком, как позвонила некая Элен и попросила, чтобы я связался с твоими родными и сообщил беднягам, что госпожа Тараканова-Виолова, восходящая звезда детективного жанра, спит у нее дома, пьяная в... э... как бы поделикатней высказаться... в лохмотья.

– И ты это сделал!?

– А как же! Успокоил Куприна, объяснил ему: «Наша киса перебрала, прочухается и явится домой!»

Я уронила трубку на стол и застонала.

– Хочешь аспиринок? – проявила заботливость Элен.

– Ну с какой стати ты сказала Федору о моем опьянении, ведь знала про снотворное!

– Я ни слова не проронила о водке, – принялась клясться Элен, – просто сообщила: «Арина спит, когда проснется, понятия не имею, принятая доза оказалась очень большой, вмиг ее с копыт сшибла!»

Я вцепилась в виски, которые изнутри долбили дятлы. Да уж! Представляю реакцию Олега!

Квартира встретила меня тишиной. Пошарахавшись по комнатам и не найдя там никого, я вошла на кухню и тут же обнаружила две записки. Одну на холодильнике, под симпатичным магнитом в виде собачки. «Вилка, думаю, ты помнишь, что мы второго должны улететь в Тунис. Квартира убрана, продукты есть. Пожалуйста, сдай белье в прачечную, не успела сама это сделать. Тома».

Я в полном отчаянии глянула на календарь. Концерт состоялся первого числа, по словам Элен, я продрыхла двое суток, следовательно, сегодня третье, Томочка, Семен, Кристина и Никитка уже давно купаются в море. Или Тунис находится на берегу океана? У меня с географией проблема.

Второй листок был положен на столе поверх газеты и содержал более неприятный текст: «Виола! Я молча наблюдал, как ты из нормальной, милой женщины превращаешься в малопривлекательную любительницу светских вечеринок. Понимая, что тебе охота добиться славы, я никогда не навязывался к тебе в сопровождающие. Муж-мент – это не тот человек, которым гордятся в светском обществе. Будучи неконфликтным, я принял твои условия игры и особенно не выступал, не хотел отнимать у ребенка игрушку. Но то, что ты отчебучила первого числа, уж слишком. Воспользовавшись накопленными отгулами, я взял отпуск и уехал на рыбалку, Ленинид отправился со мной, Сеня и остальные в Тунисе. Ты остаешься одна. Самое время подумать о смысле жизни и расставить точки над «i». Газета прилагается, настал твой звездный час. Ты уверена, что хотела именно такой славы? Олег».

Я схватила издание. «Желтуха»! Пасквильная, мерзкая газетенка, печатающая дикие выдумки, даже не утки, а индюки лжи. На центральном развороте поместили подборку фотографий. «Концерт закончился скандалом», – гласила шапка. Далее шли снимки. Тело Волкова, скрюченное, лежащее на полу. Группа милиционеров, в центре которой стоит крепкий, крижистый мужчина. А это кто? О, боже!

Двое парней, один из них уже знакомый мне Петр Родионов, несут пьяную тетку. У дамы совершенно безумный вид, руки и ноги болтаются, черное платье задрано до пояса, сквозь тонкие колготки видны практичные, трикотажные трусики домашней хозяйки. Лицо с полужакрытыми глазами и разинутым ртом повернуто к читателю, волосы торчат дыбом. И эта мадам – я! А под милым фото пара строк, набранных петитом: «Водка – любимый антидепрессант нашей, так сказать, интеллигенции. Бомонд просто теряет голову при виде дармовой ханки. Вот и начинающая писательница Арина Виолова не утерпела и отдохнула по полной программе, да так, что организаторам пришлось волоком тащить красотку до автомобиля. Эх, Арина, вспомни, сколько прозаиков утонуло в бутылке, застрелилось в момент ловли чертей, повесилось, слыша голоса, и немедленно иди кодироваться. И вообще, пьяный литератор – позор издательства».

Налюбовавшись на свое фото, я оцепенела. Из ступора меня вывел телефонный звонок.

– Позовите Виолу Тарakanову, – произнес приветливый баритон.

- Слушаю вас.
- Ваша сумка...
- Ой, вы нашли ее! – перебила я мужчину. – Какое счастье! Паспорт цел?
- Абсолютно все в наличии.
- Куда мне приехать? Прямо сейчас примчусь!
- Очень хорошо, диктую адрес.

Я схватила листок бумаги, мгновенно записала название улицы, номер дома и снова нетерпеливо перебила говорившего:

– Квартира какая? Ваше имя?

– Комната двадцать четыре, – спокойно ответил дядька, – майор Рагозин Станислав Иванович.

– Это милиция? – подскочила я

– Ну... в принципе, да, – ответил Рагозин.

ГЛАВА 6

В довольно просторной комнате сидел вполне симпатичный молодой брюнет. Он вынул мою сумку и попросил:

– Проверьте, все ли на месте.

Я вытряхнула содержимое на стол. Косметика, кошелек, ключи, паспорт, телефон. На дисплее виднелась надпись – «Звонков без ответа: 10». Я машинально нажала на клавишу. Так, кто меня искал? Тамара, Семен, Олег, Федор и шесть вызовов от Лариски, последний был сделан лишь пару минут назад.

– Порядок? – осведомился майор.

– Да.

– Отлично, давайте оформим бумаги, и забирайте потерю.

– Как она к вам попала? – любопытствовала я.

– Помните, где ее обростили?

Вот уж дурацкий вопрос! Кабы я знала, пошла бы и взяла.

– Нет.

– Ну хоть приблизительно.

– Думаю, в концертном зале.

– Верно, а более точно?

– В коридорчике, за занавеской, там такое укромное местечко!

– Да? Отчего вы так решили?

– Ну, я просто рассуждаю логично. Шла по коридору, сумочка при мне была, потом я упала, кое-как встала и убежала, испугавшись, в буфет. Гляжу, ридикюльчика нет. Хотела пойти его поискать, но не получилось, я думала...

– Чего же вы испугались?

– Драки, – честно призналась я, – там двое мужчин друг друга колошматили.

– И как они выглядели?

– Один в кожаных штанах и такой укороченной куртке или пиджаке, другой в джинсах, – принялась я старательно вспоминать.

– Виола Ленинидовна, – торжественно объявил Рагозин, – ваша сумка была найдена недалеко от тела Волкова Романа Яковлевича.

– Я никого не убивала!!!

– Нет, конечно, мы уже задержали предполагаемого убийцу, но вы бесценный свидетель, на глазах которого разворачивалась драма.

– Нет, нет, – замахала я руками, – я очень перетрусила и поспешила удрать.

– Но драку видели?

– Да.

– До какого момента?

– «Кожаные штаны» сели верхом на «джинсы» и принялись бить мужчину лбом о пол.

– Отлично. Вы должны помочь следствию.

– Да я бы с радостью, но как?

– Сумеете опознать одного из дравшихся?

– Ой, нет!

– Почему?

– Я очень боюсь мертвых!

Станислав Иванович прикусил губу.

– Я не намеревался показывать вам труп. Пойдемте.

Если вы по случайности, не совершив никакого преступления, попали в поле зрения милиции, запаситесь терпением. Больших бюрократов, чем сотрудники МВД, просто нет на свете, даже таможенники и налоговики меркнут перед ними, а нотариусы кажутся очаровашками. Столкнувшись с правоохранительными органами, вам придется подписывать бесконечные протоколы, заполненные неразборчивым почерком, постоянно демонстрировать паспорт и тупо сидеть на обшарпанных стульях под дверями разных кабинетов, ожидая, пока люди в погонах решат всякие формальные и бытовые вопросы типа добывания машины, которая повезет всех на место происшествия.

В конце концов, страшно устав от бесцельного времяпрепровождения, я оказалась в комнате, заполненной людьми.

– Вы видели мужчину в кожаных штанах со спины? – уточнил Станислав.

– Да, – ответила я.

– Хорошо, – кивнул майор, – сейчас начнем, пройдите сюда.

Меня впахнули в следующее помещение. У стены затылками к вошедшим стояло пять типов примерно одинакового телосложения. Все они были облачены в кожаные штаны и курточки.

– Узнаете? – спросил Станислав.

– Кого?

– Того, кто бил Волкова.

– Ну... нет.

– Присмотритесь.

– Они все очень похожи.

– Будьте внимательны, от ваших показаний зависит судьба человека, сосредоточьтесь, не торопитесь.

Я стала медленно осматривать мужчин. Первый не подходит, волосы длинные. У второго короткие ноги. Четвертый тоже ни при чем, он кудрявый. Третий или пятый? Глаз упал на брючные ремни, видневшиеся из-под курток. У пятого он был самый что ни на есть простецкий, черный, а вот третий нацепил пояс, украшенный железными клепками.

Я ткнула пальцем в «заклепанного» мужчину.

– Это он.

– Точно?

– Абсолютно.

– Вы уверены?

– Да.

– По каким приметам опознали данное лицо среди присутствующих?

Ну, я обзревала-то не лицо, а, так сказать, «вид сзади».

– Видите пояс, – принялась я объяснять, – он украшен железками, очень приметный...

– Все свободны, – велел, выслушав меня, Рагозин.

Четверо парней ушли. Один остался.

– Видите, Сергеев, – беззлобно сказал Станислав, – как ни крути, а свидетели найдутся.

Мужчина обернулся, лицо его было злым.

– Ну и где вы откопали эту бабу? – рявкнул он. – Думаете, испугали? Вот сейчас я начну плакать и каяться? Ерунда, хоть сто стукачек притащите, результат будет один: я никого не убивал. Она врет.

– Я никогда не лгу! – подскочила я. – Видела драку, стояла за занавеской.

– Там никого не было!

– Я, по-вашему, «никто»?

– По-моему, тебе лучше помолчать, – взвился Сергеев.

– Но драка была? – уточнил Станислав.

- Я не отрицал этого. Роман сам нарвался, вот я и дал ему пару раз.
- А потом разошелся, схватил нож...
- Нет! Наподдал и бросил его, он был живее всех живых, только лежал на полу.
- Встать не мог?
- Пытался, я его пнул и ушел.
- Пнул ножом.
- Ногой, – заорал Архип, – правой!
- Каким же образом нож, при помощи которого было совершено преступление, оказался в вашем портфеле?
- Не знаю.
- Вы сначала избили Волкова, нанесли ему незначительные телесные повреждения, – не сдавался Станислав. – Потом пнули его ногой, продюсер временно потерял сознание...
- Не знаю, – буркнул Сергеев, – может, он и лишился чувств, трус, слабак!
- У меня в руках данные экспертизы, – продолжил Рагозин, – Волков был без сознания, когда ему нанесли смертельное ранение. Вы воткнули нож в беспомощного человека.
- Нет! Я просто ушел.
- Кто же его убил?
- Не знаю! Это не моя работа, а ваша – искать киллера.
- Вы ненавидели Волкова?
- За что мне его было любить?
- Почти все общие знакомые рассказывают о вашей вражде.
- Ну и что?
- Драка была?
- Да.
- Вы ушли?
- Да.
- Он остался?
- Да.
- Мертвый?
- Да. То есть нет! Конечно, нет!!!
- Вы сначала сказали «да»!
- Хватит на мне свои штучки испробовать, – взвился Архип, – Волкова я не убивал!
- А вот певица Минна утверждает, что 28 мая вы и Волков столкнулись на Центральном телевидении. Она и Роман шли по коридору, вдруг откуда ни возьмись появился гражданин Сергеев. Волков не сдержался и плюнул вам под ноги, а вы прошипели: «Кусок дерьма!» Было такое?
- Ну.
- Да или нет?
- Да.
- А потом вы подрались?
- Не потом, а через несколько дней.
- Так подрались?
- Да.
- Вы ударили Волкова ногой?
- Да.
- Затем убили, нож побоялись бросить, завернули в ярко-розовую бумажную салфетку, положили в свой портфель и ушли?
- Нет! Ничего такого не было! Мой портфель стоял в кабинете на стуле.
- Хорошо, вы схватили нож, вынули розовую салфетку...

– Нет! Какая розовая салфетка!

– Бумажная, трехслойная, яркая, с золотой надписью «Монте-Карло».

– Где я мог ее взять? Надеюсь, вы понимаете, что я не таскаю подобные изделия в кармане!

– Там банкет был, – усмехнулся Станислав, – небось со стола прихватили. Вас смущает качество салфетки? Вы признаете факт убийства, но отрицаете, что нож был завернут в ярко-розовую бумагу? А во что вы его замотали?

– Идиоты! Я никого не убивал! Ножа не видел! Там же должны быть отпечатки!

– Есть, они ваши.

– Нет!!! Этого не может быть!

– Вот документ от эксперта.

– Это подделка! А свидетельница актриса, плохая, тупая, ей никто не поверит.

– Я вовсе не дура, – обозлилась я, – и видела драку.

– А я тебя не заметил! Как ты, интересно знать, мимо прошмыгнула?

– Просто тихо стояла за занавеской, никуда не ходила!

Внезапно Сергеев расхохотался, а я испугалась. Кажется, у него начинается истерика. И тут Архип резко оборвал смех.

– Вот что, – обратился он к Станиславу, – тебе меня не обломать. Сто раз спросишь – тысячу отвечу: да, дрался, не утерпел. Ненавидел Волкова, он мразь, каких мало, а певица Минна... Впрочем, какая она певица. Да, я пнул Романа ногой. Но не убивал! Нет! Отчего в твою тупорылую голову не пришло простое соображение: если эта растрепанная идиотка не твоя подстава и она видела из укрытия драку, то там мог быть еще кто-нибудь, сопел себе тихонько в углу. А потом, приметив, что я ушел, а Волков валяется без сознания, воткнул в говнюка нож. Избавиться от Романа хотели многие, орудие убийства мне просто подсунули!

– Певица Минна утверждает, что преподнесла вам нож с выбросным лезвием на день рождения. Это правда?

– Мама родная! – закатил глаза Архип. – Да меня поздравили больше пятисот человек! И каждый подарок припер. По-вашему, я могу вспомнить, кто что мне вручал?

– Нож ваш?

– Не знаю.

– То есть?

– Может, мой, а может, нет.

– Как же так?

– Очень просто. Мне дарят много всякой ерунды: VIP-наборы, календари, ручки, еженедельники. Полно мелочей, и ножи есть, я им счет потерял.

– Но певица Минна...

– Безголосая коза Минна, – отчеканил Архип, – могла сама спокойно прирезать Романа.

– Своего продюсера?

– Да. Он платил ей копейки, бил, унижал при всех, сколько раз я, дурак, защищал ее, трясогузку! Между прочим, я уже один раз наподдал Волкову, но тому мало показалось! Снова приперся!

Рагозин взял со стола скрепку и принялся разгибать ее. Архип молча смотрел на него, потом вдруг зло спросил у меня:

– Ты одна там стояла?

– Да.

– Уверена? – Ну, – промямлила я, – в моей занавеске – да, но там еще имелась другая, и в ней что-то вдруг зашуршало, потом в щели между полом и тканью мелькнуло нечто, мышшь, наверное?

– А если крыса? – очень тихо протянул Архип. – Большая, в человеческий рост, с ножом, а? Ты подстава или нет?

– Помолчите, Сергеев, – крикнул Станислав, – тут вопросы задаю я.

– Еще успеешь удовлетворить свою жажду познаний! – рявкнул Архип.

Станислав на минуту растерялся. Было понятно, что он привык иметь дело в своем кабинете совсем с иными людьми: сломленными, испуганными, боящимися ненароком обозлить милиционера. А сейчас перед ним стоял уверенный в себе мужчина, умный, не потерявший головы, такой, даже если и убил, ни за что не признается, а уж коли считает себя невиновным, то будет отстаивать свою честь до конца. Впрочем, имея другой характер, Архип вряд ли сумел бы достичь в жизни того, чего достиг.

Вдруг Сергеев улыбнулся, на его лице появилась именно улыбка, а не ухмылка. Мне внезапно стало понятно, что в обычных обстоятельствах он, скорее всего, душка, балагур, любитель женщин, вкусной еды и хорошей выпивки, гедонист, душа компании.

– Так ты подстава? – повторил он, глядя мне в лицо.

– Нет! – возмутилась я. – В милиции не работаю. Я пишу детективы под псевдонимом Арина Виолова.

Взгляд Архипа изменился.

– Арина Виолова... видел что-то на столе у Полины, она такое читает.

Дверь в комнату распахнулась, появился конвойный.

– Уведите, – велел Станислав.

Архип встал.

– Разрешите сделать заявление? – спросил он.

– Хорошо, – кивнул Рагозин, – заявляйте!

Сергеев ткнул в меня пальцем:

– Казакова, шестнадцать, найди Сергея Крыжовникова и скажи ему: «Подключай зеленую мартышку».

– Уведите его немедленно, – разозлился Рагозин.

Выйдя на улицу, я поискала глазами хоть какое-нибудь кафе, увидела вывеску «Булочка», вошла внутрь, заказала латте⁵ и уставилась через большое стекло на мечущихся по тротуарам прохожих.

Мне что, и впрямь ехать на улицу Казакова с дурацким сообщением о зеленой мартышке? Может, Архип просто решил мне отомстить за то, что я опознала его?

Резкий звук мобильного заставил меня вздрогнуть.

– Вилка, – зарыдала Лариска, – ты где?

– Ну, в общем, не так далеко от тебя.

– Майя... ужас... я не переживу... Что делать? Что?

– Лара, объясни спокойно, – попыталась я вразумить подругу, но Лариска говорила ужасное:

– Она... повесилась... она...

– Кто? – похолодела я.

– Майя, – прошелестело в ответ, и мобильный «умер», у него полностью разрядилась батарейка, даже странно, что этого не произошло раньше. Сотовый не «ел» два дня, хотя я ведь им не пользовалась.

– Еду, – заорала я, вскакивая на ноги, – уже в пути!

Колченогий столик затрясся, чашка перевернулась, кофе потек на пол, но я, не обращая никакого внимания на произведенный беспорядок, полетела, не разбирая дороги, к метро.

⁵ Латте – напиток из кофе, молока и сильно взбитой пенки.

ГЛАВА 7

В квартиру Лариски я вбежала еле живая и, ухватив подругу за плечи, заорала:

– Где Майя?

– В комнате заперлась, – прошептала Ларка.

Железные пальцы, сжимавшие мое горло, ослабели. Я обвалилась на стоящий в холле диван и прошипела:

– Ну ты и дура! Напугала меня! Надо же было сказать: «Она повесилась». Что за идиотские, немыслимые шутки!

Лара ткнула пальцем в сторону коридора. Я вдруг увидела вбитый в стену огромный крюк, а под ним белую толстую бельевую веревку.

– Это что? – ужаснулась я.

Лариска судорожно зарыдала, я потрясла подругу за плечи:

– Попытайся говорить членораздельно.

Лара принялась ломать пальцы. Затем, сделав глубокий вдох, подруга начала выдавать более или менее осмысленные фразы, и я потихоньку въехала в суть проблемы.

Оказывается, Майя, окончательно разругавшись с матерью, решила стать певицей и связалась с Волковым. Уж не знаю, что привлекло продюсера в девочке: хороший голос, незаурядные музыкальные данные, умение танцевать или красота. Но справедливости ради стоит отметить, что на первый взгляд Майя особо не выделялась среди сотен других девочек, мечтавших попасть на музыкальный Олимп. Стройная, кудрявая блондиночка отнюдь не модельной внешности, она спокойно могла выступать на эстраде, одна или в составе какой-нибудь группы. Но мне отчего-то думается, что хитрый Роман собрал о Майе подробную информацию и понял, что ее отец, очень богатый человек, просто прикидывается разведенным супругом. На самом деле он обожает жену с дочерью и даст последней любую сумму для исполнения ее заветного желания. Да еще Майя явилась на встречу в эксклюзивных джинсах и кофточке, в сверкающих колечках, приехала на иномарке, которой управлял шофер. Вот Роман мигом сложил все вместе: симпатичную внешность, небольшие вокальные данные, безудержное желание славы, готовность ради успеха пойти на все и папины денежки. Знаете, звезду можно сделать, имея и меньший стартовый набор.

Хитрый Волков в пять минут задурил Майе голову. Он пообещал наивной девочке всемирную славу и огромные гонорары. Маечка, опьяненная такой перспективой, просто боготворила продюсера, который, не будучи дураком, сразу просить денег у отца будущей «суперстар» не стал. Роман рассудил просто: сейчас ему никто ничего не даст. Следует сделать с Майей одну песенку, показать девочку по клубам, впихнуть «зонг»⁶ в ротацию на какое-нибудь радио, а потом уж идти к папаше и объяснять: «Мы можем потеснить на вершине горы Аллу Борисовну Пугачеву, но лавэ»⁷ не хватает».

Отец, увидев столь успешный старт дочери, тут же начнет вытаскивать из мешка золотые дублионы, и Волков вернет себе все потраченное с лихвой.

Составив стратегический план, Волков купил для Майи песню. Девочка записала ее в студии, и Роман похвалил Майю:

– Ну, молодец, будешь так работать и дальше, через пару лет станешь лауреатом премии «Золотой граммофон». Завтра же пристрою песню на радио. Смотри не задери нос, когда станешь известной.

⁶ Зонг – песня.

⁷ Лавэ – деньги.

Майя пришла домой в состоянии полнейшей эйфории. Весь вечер она рассказывала подружкам о своей удаче, ночь провела без сна, мечтая о славе, а утром, включив новости, услышала о смерти Волкова.

Хорошо, что в этот момент Лариса была дома, потому что девочка сначала впала в истерику, а затем села на стул, сложила на коленях руки и перестала реагировать на окружающих.

Перепуганная Лариса вызвала врача. Доктор сделал Майе укол, велел уложить ее в кровать и пообещал: «Скоро она в себя придет».

Майя и впрямь уснула, а Лариса, слегка успокоившись, поехала в парикмахерскую. Не надо считать ее черствым человеком и плохой матерью. Лара обожает Майю, но она просто не понимала, кем был Волков для дочери. Лариса совершенно искренне думала: ну, попробовала дочь поиграть в певицу, да, видать, не судьба. Сейчас поспит, успокоится и забудет про глупые идеи.

Но подросткам свойственны категоричные решения и депрессивные настроения. У Майи создалось впечатление, что ее жизнь рухнула, все надежды убиты вместе с Романом, а раз так, то и жить ей незачем.

От непоправимого несчастья спасла неприятная неожиданность. Лариса спокойно села в кресло к мастеру, тот нанес ей на волосы краску, потом смыл. Лара уставилась в зеркало и принялась возмущаться. Вместо оттенка «золотая пшеница» ее волосы приобрели интенсивно рыжий колер, цвет «сумасшедшего лиса, объевшегося морковки». Ларка распахивалась и уехала из салона, отказавшись перекрашиваться. Всю дорогу до дома она то рыдала, то строила планы, каким образом наказать незадачливого цирюльника, а войдя домой, увидела Майю, которая именно в этот самый момент, надев на шею петлю, собиралась шагнуть с табуретки.

– Умоляю, – истерически выкрикивала сейчас Лара, – поговори с ней, она тебя любит и уважает. Заперлась в комнате! Давно! Молчит! Господи, как бы она из окна не выбросилась!

– У вас первый этаж, – напомнила я.

Но Лариска продолжала рыдать.

– Успокойся, – велела я, – выпей воды, умойся и постарайся замолчать. Девочке плохо, и от твоих визгов ей делается лишь хуже.

Лара, зажав руками рот, побрела в ванную. Я пошла по коридору в обратную сторону, постучала в высокую двухстворчатую дверь и сказала:

– Майка,пусти.

Следующий час я слушала истерику девочки. Никаких разумных доводов типа «давай обратимся к другому продюсеру» она не понимала. В конце концов я воскликнула:

– Хорошо! Вы с мамой можете сколько угодно рассказывать всем, что папа с вами больше не живет, но мне понятно – это неправда.

Майя хмуро кивнула:

– Он боится сесть в тюрьму за неуплату налогов и еще того, что у нас все конфискуют.

– Хорошо, значит, звоним сейчас отцу, объясняем ситуацию, просим денег и ищем нового продюсера, их много. Или пытаемся раскручиваться под эгидой известного певца. Вот, допустим, Олег Газманов, похоже, он порядочный человек. Давай к нему обратимся. Не реви, утри сопли и немедленно набирай номер папы.

Майя мрачно уставилась в окно.

– Уже!

– Что?

– Уже беседовали! Мама в салон подалась, а я папке звонить кинулась. Пересказать, что я услышала?

– Да.

– Ну, если опустить все неприличные слова, получится так: «Я воспитывал дочь не для карьеры проститутки. Сам бы Волкова убил, узнай раньше о его планах. Денег не дам ни гроша

и всем знакомым запрещаю тебе хоть копейку ссудить. Я не намерен наблюдать, как моя родная девочка превращается в наркоманку, кривляку и подстилку для всех...»

Майя замолчала, я тоже притихла. Юра очень упрямый человек, переубедить его совершенно невозможно. Если Юра говорит «да», то можете быть уверены, он не подведет, но, коли вымолвил «нет», больше не тратьте времени зря. С таким же успехом можно пытаться сдвинуть с пьедестала памятник Петру I работы Зураба Церетели. Кричи, вопи, ругайся, колоти его ногами – он будет стоять всем назло.

– Я покончу с собой, – решительно заявила Майя, – можете запихнуть меня в психушку, посадить на цепь! Перехитрю всех, извернусь и найду способ уйти из жизни, в конце концов просто перестану дышать.

Мне стало страшно, в произнесенных словах не было истерики, в них звучала холодная решимость. А я хорошо знаю: если человек на самом деле, а не в порыве минутной слабости задумал покончить с собой, он обязательно это сделает. Уследить за таким субъектом практически невозможно. Надо действовать немедленно.

Я схватила Майю:

– Ну и хрен со всеми! Я сама стану твоим продюсером.

Девочка уставилась на меня:

– Ты?

– Да!!!

Неожиданно Майя рассмеялась:

– Ничего более идиотского никогда не слышала.

Я обрадовалась ее улыбке и затараторила:

– Зря ехидничаешь. Я стала писательницей, известной, имею связи среди журналистов, и вообще... Я отлично знакома с такими людьми... такими... Ты слышала про Сергея Крыжовникова?

Майя моргнула.

– Думаешь, его хоть кто-нибудь среди певцов не знает? Это же «Русское радио».

– У тебя песня записана?

– Да.

– Давай сюда диск!

Майя вскочила, бросилась было к книжным полкам, но потом притормозила и с подозрением спросила:

– Зачем?

– Отнесу Крыжовникову прямо сейчас, он поставит его в ротацию!

– Врешь!

– Не сойти мне с этого места.

Через минуту в моих руках оказалась тоненькая пластиковая упаковка, Майя повисла у меня на шее.

– Вилка, помоги!

– Без проблем, только во всем слушайся меня.

– Ага.

– Сейчас выходишь из комнаты...

– Хорошо.

– Умываешься, причесываешься, извиняешься перед мамой за то, что довела ее почти до инфаркта.

– Согласна.

– Я же начинаю работу. Раскручу тебя.

– Ага... а деньги откуда?!

– Я сделаю все бесплатно.

– Ага... обещаешь, точно?

Чтобы вытряхнуть Майю из депрессии и заставить ее забыть про веревки, бритвы, воду, высокие этажи и таблетки, я была готова сейчас пообещать ей что угодно.

– Конечно! О тебе напишут журналисты, тебя будут снимать в кино, твои песни станут литься из каждого плеера и радиоприемника, фанаты армиями примутся штурмовать ваш подъезд... Да всю страну от тебя переколбасит!

Майя хихикнула, потом снова стала серьезной.

– И когда от меня Россию плющить начнет?

– Уже через месяц поженешь первый успех! – сгоряча выкрикнула я и прикусила язык.

Надо бы назвать другой срок, но уже поздно. Майя вцепилась мне в плечо.

– Ладно, я буду выполнять все, что ты прикажешь, голой по Тверской побегу, с белым медведем прилюдно в зоопарке потрахуюсь, но если к середине лета не услышу себя по радио, то... то... то... все! Ничто меня не остановит.

Глаза девочки начали наливаться слезами, губы сжались в нитку, я снова испугалась, но нашла в себе силы спокойно сказать:

– Прекрати идиотничать. Когда за дело берется человек с моими возможностями и связями, то облома не будет. Прямо сейчас еду на «Русское радио».

Внезапно Майя упала на колени и обняла мои ноги.

– Вилка! Я все ради тебя сделаю, все! Только помоги. Ты будешь старенькая, парализованная, сумасшедшая, а я стану из-под тебя горшки таскать и инвалидное кресло возить, я благодарная!

Я подняла Майю.

– Знаешь, милая, – усмехнулась я, – если увидишь, что Виола Тараканова превратилась в безумную развалину, неспособную самостоятельно дотащить до туалета, сделай одолжение, пристрели меня. Хотя, надеюсь, события все же будут развиваться не столь трагично. Ладно, я поехала, а ты приведи себя в порядок и успокой маму.

К Крыжовникову я попала без всяких проблем. Приехала на улицу Казакова, позвонила по местному телефону Юле и, услышав ее слегка задыхающееся «да», сказала:

– Это Арина Виолова.

– Ой, здрассти, здрассти, – затараторила Юля.

– Мне необходимо прямо сейчас попасть к Крыжовникову.

– Ну... – замямлила было Юля.

– Я стою у вас в холле, возле охраны.

– Сейчас спущусь, – пообещала девушка.

Очутившись в приемной, я отказалась от растворимого кофе и велела Юле:

– Веди меня к Крыжовникову!

– Я всего лишь помощница его секретаря, – объясняла Юля, – ваще никто.

– Хорошо, скажи его секретарю: Виола Тараканова, она же Арина Виолова, привезла из изолятора временного содержания крайне важную информацию от Сергеева.

Юля ойкнула и мгновенно испарилась, не было ее минут десять, потом вдруг распахнулась дверь, и строгий девичий голос сказал:

– Госпожа Тараканова? Крыжовников ждет вас.

Один из самых могущественных людей российского радиоэфира оказался неожиданно лысым. Отсутствие волос на голове компенсировалось бородой и очаровательной улыбкой. Увидев меня, он встал и тут же велел секретарше:

– Полина, кофе.

– Если он у вас, как везде, растворимый, то лучше чай, – быстро предостерегла его я.

Сергей улыбнулся еще шире:

– Вот тут вы не правы. Плохой кофе еще худо-бедно можно выпить, а низкосортный чай нельзя даже понюхать.

Что ж, он «чайник», я «кофейник», и нам не понять друг друга. Человечество вообще распадается на категории: алкоголики и трезвенники, собачники и ярые противники животных, бабники и монахи, любители поспать и вечно бодрствующие... А еще удивляются, отчего людям так трудно достичь взаимопонимания. Но сейчас я не намерена обсуждать с Сергеем сорта чая.

– У меня два дела, – ринулась я в атаку.

– Слушаю, – продолжал улыбаться Крыжовников.

– Сергеев арестован.

– Знаю.

– За убийство Волкова.

– Я в курсе.

– Он просил передать вам: «Подключай зеленую мартышку».

В глазах Сергея мелькнуло удивление, но потом на лице вновь засияла улыбка.

– А где вы с ним встретились?

– В милиции, – пояснила я и стала излагать историю про сумочку и драку.

Во время моего разговора дверь кабинета осторожно приотворилась, появилась секретарша, девушка в туго обтягивающих бедра джинсах. Абсолютно молча она поставила на стол чашки, сахарницу, вазочки с печеньем и конфетами, а потом так же беззвучно удалилась. Я машинально посмотрела в симпатичную фарфоровую чашечку, в ней темнел растворимый кофе. Крыжовников при всей своей улыбочности и очаровательности предпочел, не тратя лишних слов, настоять на своем.

Сергей вздрогнул.

– Мы все уверены: Архип не виноват и скоро вновь будет с нами. Уже наняты лучшие адвокаты.

– Насколько я понимаю, улики очень серьезные. Нож с отпечатками пальцев, найденный в портфеле Архипа, его драка с Волковым, рассказы людей об их вражде, показания певицы Минны.

Крыжовников стер с лица улыбку.

– Мы справимся. Здесь, в здании на Казакова, нет ни одного человека, думающего, что Архип – убийца.

Не успел он завершить фразу, как в кабинет без всякого стука ввалился очень высокий, почти совершенно лысый парень и, бесцеремонно плюхнувшись на стул, заявил:

– Ну и че теперь? Объясни мне, за каким фигом Архип этого недоумка пришиб?

Сильный запах алкоголя поплыл по кабинету. Крыжовников моргнул, раз, другой, третий. Потом очень четко и ясно произнес:

– Майкл, я занят, зайди позже.

– Не, – Майкл отказался покинуть кабинет, – ты мне лучше объясни, че его самого потянуло на Романа? Денег на киллера не наскреб?

– Потом поговорим, – рявкнул Крыжовников.

– Народ гудит, – не обращая внимания на Сергея, продолжал Майкл, – в принципе, Архипа одобряют, но есть и другие мнения. Ох, плохо будет, плохо! Такой удар по имиджу. Теперь только скажи: «Русское радио» – все шарaxаться начнут! Вот Пугачева...

– Майкл, – Крыжовников встал, – ты Аллу Борисовну не трогай, она друзей, в какое бы те дерьмо ни вляпались, никогда не бросит. Ни-ког-да! Уж это я точно знаю. Характер у нее ой-ой-ой, но своих в беде не оставит. Я с ней в разведку пойду спокойно, потому как знаю, если меня подстрелят, Аллочка зубами до своих дотащит. А ты ступай работать.

– Вот думаю, может, лучше в отпуск пойти, – задумчиво протянул Майкл, – устал я очень. Недельки на три.

В воздухе повисло зловещее молчание. Потом вдруг дверь снова приотворилась, на сцене возникло новое действующее лицо, опять мужчина и снова лысый. Я немного удивилась: они что, тут сотрудников подбирают исключительно без волос?

Майкл тем временем, не заметив ни сгустившегося после его слов об отпуске недовольства, ни вновь вошедшего, спокойно продолжал:

– Съезжу, отдохну, авось все и устанет, разъяснится. Хотя лично я Архипа не одобряю. За фигом за нож хвататься? Вспыльчивый он слишком, ну согласись, это его большой минус, все о нем знают. А еще в коридорах болтают, что ты и Анатолий Богдан обратились к Гарри Певзнеру. А адвокат вам отказал, мотивируя свое поведение нехваткой времени. Только и ежу ясно, что Гарри учуял полный провал, небось скумекал: дрянное дело, тут ему не выиграть. Придется париться Архипу на нарах. Нет, надо отпуск брать.

– Ты, Майкл, сучий потрох, – спокойно заявил вошедший парень.

Майкл обернулся.

– Карлов! Поосторожней.

– Заткни кричало.

– Сам захлопнись.

Я вытаращила глаза. Кто такой Майкл, я понятия не имею, а вот фамилию Карлов великолепно знаю. Это один из диджеев «Русского радио», его имя Александр, только он мне представлялся могучим бородатым мужиком этак шестьдесят четвертого размера, а на самом деле оказалось, что ведущий – стройный паренек.

Не успела я оценить ситуацию, как Карлов подскочил к Майклу, легко сдернул того со стула, потом, словно нашкодившего котенка, дотолкал до двери и вышвырнул в коридор. Из приемной послышались звон, визгливые крики и топот ног. Карлов спокойно взял со стола салфетку, брезгливо вытер пальцы и бросил скомканную бумажку в пепельницу. Я ощутила укол в сердце. Салфетки, которые вместе с кофе, печеньем и конфетами принесла секретарша, были ярко-розовые с золотыми буквами, из которых складывалось слово «Монте-Карло».

– Пожалуй, я попозже зайду, – меланхолично сказал Карлов и вышел.

Мы с Крыжовниковым уставились друг на друга, на лице Сергея более не было улыбки.

– Мы справимся, – вдруг сказал он, – Майкл просто мерзавец.

– У меня к вам просьба, – я осторожно приступила к основной теме беседы, – сделайте одолжение, помогите.

– И в чем проблема?

Я вытащила из кармана диск и стала рассказывать про Майю.

– Ею начал заниматься Волков? – резко спросил Сергей.

– Да, – ответила я, тут же поняв, что совершила невероятную глупость и проиграла переговоры.

Глаза Крыжовникова были теперь похожи на объектив фотоаппарата. В них что-то моргнуло, будто шторки задвинулись, взгляд стал равнодушным, наигранно-приветливым.

– Хорошо, оставьте запись, мы послушаем, – обронил он.

Но я уже знала, что стоит мне выйти из кабинета, как пластиковая коробочка вылетит в окно, а фамилия и имя Майя Капкина будут навечно занесены в черный список. Желая изо всех сил помочь девочке, я практически лишила ее всяких шансов.

– Майя ни в чем не виновата.

Кивок.

– Она вообще не из мира шоу-бизнеса.

Кивок.

– К Волкову попала случайно.

Опять кивок!

– Она совершенно его не знала.

Крыжовников повертел в руках диск.

– Принцип нашего радио прост: в эфир попадают талантливые песни, нас нельзя испугать крутыми родителями, богатыми мужьями и высокопоставленными любовниками. Если песня хороша, поставим ее в эфир. «Русское радио» загло много звезд. Да, если Алла Борисовна Пугачева или, к примеру, Филипп Киркоров, Олег Газманов, Николай Расторгуев скажут мне, что такой-то певец или певица представляют интерес, я прислушаюсь к мнению высококлассных профессионалов. Но если тот же Киркоров заявит: «Слышишь, я тебе заплачу, сунь эту девочку в ротацию», – ни за что не соглашусь. Хотя Филипп такого никогда не скажет. «Русское радио» гордится своей репутацией. Мы всегда говорили и будем говорить, несмотря ни на что: «Мы работаем честно, присылайте свои песни. Если мы поймем, что они талантливы, – двери к славе откроются перед вами». Вспомните хотя бы Земфиру. Никому не известная девочка из провинции, без всяких покровителей пробила себе дорогу своей неординарностью и работоспособностью. Пишите, творите, работайте, будьте упорны – и «Русское радио» вас поддержит. Но «поющие доллары» мы никогда прославлять не станем, слишком дорожим своим незапятнанным именем. Я понятно объяснил?

– Майя талантлива. – Я цеплялась за последнюю надежду.

– Вполне вероятно.

– Ну, послушайте ее.

– Хорошо, когда будет время. А сейчас, извините, меня ждут в студии.

Едва не зарывав от отчаяния, я пошла было к двери и тут же решительно затормозила. Стой, Виола, с какой стати ты надумала складывать лапки перед первой же трудностью? Этот мир принадлежит стойким и упорным, а ну, не сдавайся!

Твердым шагом я вернулась назад.

– Что-то забыли? – улыбнулся Сергей.

– Вы знаете, кто я?

– Звучит угрожающе.

– Я не шучу.

– Еще хуже.

Стало понятно, что он попросту издевается надо мной.

– Меня зовут Виола Тараканова.

– Вы представились с самого начала.

– Книжки я пишу под псевдонимом Арина Виолова.

– Замечательно, увя, я не читал ваших произведений, но после нашего знакомства непременно куплю.

– Я уже опубликовала несколько романов!

– Желаю вам всяческих творческих успехов, – продолжал сиять улыбкой Крыжовников.

– Не перебивайте меня! Я их не просто пишу!

– Да? Очень интересно. Но, простите, я не понимаю, к чему вы клоните.

– Я ничего не выдумываю, все мои детективы основаны на реальных фактах, и мне надо...

Сергей фыркнул:

– Вы хотите сказать, что лично убиваете намеченные жертвы, а потом описываете свои ощущения в книгах! Экая вы кровожадная, а по виду и не скажешь!

И тут на меня налетел ураган чувств. Обида за глупую Майю, решившую в недобрый час стать звездой сцены, злость на ее отца, не желавшего помочь дочке, вина перед Архимом, которого я почти утопила своими показаниями, ненависть к этому противному лысому мужику, похоронившему все мечты Майи и спокойно ерничающему сейчас в своем шикарном кабинете.

Практически не владея собой, я подбежала к могущественному радиодетелю и вцепилась ему в плечи.

– Слушай меня!

Крыжовников крикнул, но я, крепко держа его, зашипела:

– Значит, так! Все мои книги написаны на основе реальных событий, которые я сама распутала. Я помогла людям, которые оказались в невероятно сложных ситуациях, их бросили все, улики были против них, вина их казалась очевидной, и только я верила: они тут ни при чем. Ясно?

– Пока не слишком, – не потеряв самообладания, ответил Крыжовников.

– Отвечайте честно: Архип виновен?

– Нет.

– Почему вы так решили?

– Ну зачем ему убивать Волкова?

– От злости! Тот досаждал Архипу.

– Ерунда. Сергеев, конечно, вспыльчив, но и только. У Сергеева не было мотива ненавидеть Волкова, а вот Роман всей душой ненавидел Архипа. «Укусы» Волкова вызывали всего лишь досаду. Роман понимал это и бесился. Архипа подставили, я уверен в его невиновности. Впрочем, даже если Сергеев и прирезал гада, мое отношение к Архипу не изменится. Роман это заслужил с лихвой, удивительно, как он дожил до своих лет, его, по идее, должны были намного раньше отправить в лучший мир!

– Ладно, я предлагаю вам сделку!

– И какую же? – прищурился Сергей.

– Я нахожу настоящего убийцу, а вы в благодарность за работу слушаете песню Майи и честно, бескомпромиссно высказываете свое мнение. Если в девочке, по-вашему, есть искра божья, вы ей поможете, нет – значит, нет.

Крыжовников широко распахнул глаза, потом начал хохотать. Я мрачно ждала, пока припадок пройдет.

– С ума сойти, – простонал наконец Сергей, – с таким я еще не сталкивался. Слушай, а ты мне нравишься!

– А ты мне нет, – рявкнула я, – и Архип тоже, но отчего-то, убей меня бог, не знаю, может, из-за той серой тени, метнувшейся за соседней занавеской, мне кажется, что он тут ни при чем. И потом, в момент драки я очень хорошо понимала, как зол Архип. Он сидел верхом на Волкове и методично бил его лицом о пол, но никакого ножа в руках у Сергеева не было. Похоже, он не из тех людей, которые станут вонзать лезвие в человека, лежащего без сознания! Так вот, вы мне не по душе, но ради Майи я расстараюсь изо всех сил.

– По-моему, ты сумасшедшая, – подвел итог Сергей.

Я, только сейчас поняв, что держу его за плечи, разжала пальцы.

– Сам знаешь, в этой жизни добиваются успеха лишь упертые психи, а также те, кто пробивает лбом бетонные стены. Думаю, и на эстраде встречаются подобные. Ну что, согласен?

– Хорошо, – неожиданно кивнул Крыжовников, – даю тебе месяц срока. Найдешь убийцу, я твою девчонку крутить буду, даже если она воеет, как кот, которому прищемили хвост. Не в наших принципах раскручивать бездарей, но здесь особый, уникальный случай, я ради друга готов изменить все существующие правила. Но имей в виду, мы сейчас нанимаем не только самых лучших адвокатов, но и частных детективов. Принесешь имя убийцы первая – твоя девчонка будет орать из каждого громкоговорителя. Не успеешь, придешь к финишу последней, извини, мне волковские полуфабрикаты не нужны. В шоу-бизнесе свои законы, как на зоне. Ферштейн?

– Ага, – кивнула я, – абсолютно ясно. Время пошло. У меня к тебе одна просьба.

Крыжовников снова улыбнулся:

– И какая?

– Я в мире эстрады чужая. Мне могут понадобиться телефоны, адреса кого-то из певцов или продюсеров.

– Не вопрос, – кивнул Сергей, потом ткнул пальцем в одну из кнопок телефона и сказал: – Зайди.

На пороге снова возникла серьезная девица, та самая, что подавала кофе.

– Это Полина, – пояснил Сергей, – она тебе поможет. Поля – это Виола, если она будет просить информацию, предоставь ей.

Полина кивнула и молча ушла, я тоже двинулась к двери, но на пороге обернулась. Крыжовников смотрел мне вслед, в его глазах плескалась усталость пополам с отчаянием и болью. Поняв, что ненужный свидетель застал его с «открытым» лицом, Крыжовников моментально завесился привычной улыбкой.

– Удачи тебе, – пожелал он.

– Удача – моя ездовая собака, – ответила я и вышла в коридор.

Хмурая Полина сразу выдала мне все координаты певицы Минны.

– Ее сейчас небось лучше всего в клубе «Джанго» ловить, – посоветовала она.

– Думаете?

Полина кивнула:

– Она туда постоянно ходит, похоже, спивается.

– Вы так полагаете? С чего бы молодой девушке за бутылку хвататься?

Секретарша прищурилась:

– Кто вам сказал, что Минна молодая? Она давно не девочка.

– Почему же Волков взялся Минну раскручивать?

Полина аккуратно собрала на столе бумаги, сложила их ровной стопкой и по-прежнему спокойным, бесцветным голосом сообщила:

– Знаете, Роман был очень хитер, за километр башли⁸ чуял. А Минна из провинции в Москву заявила, с мужем приехала. Тот то ли из банкиров, то ли из депутатов, точно не скажу, в общем, при деньгах, вот и захотел из женушки суперстар сделать. Минна в своем Мухомосранске, где жизнь прожила, звездой считалась, во всех местных концертах пела, ей аплодировали, букеты таскали, вот она и возомнила себя Пугачевой. Думала, Москва на колени перед ней падет. Ан нет, тут таких как тараканов. Муж ее на Романа Волкова вышел, тот ему и пообещал раскрутку жены. Да ничего не вышло.

– Минна такая бесталанная?

Полина скривилась:

– Да как все из второго эшелона. Смотрят девки на экран телевизора и думают: ага, вон Валерия поет. Чем же я хуже? Ну и начинается. В блондинку покрасились, жалостливую песню купили, платье с разрезом, сапожки на каблучке и вперед. Только не понимают, дурочки: на эстраде сто Валерий не надо, одной хватает. И потом – у Аллы голос есть, шарм. Для успеха голых сисек и правильно спетых нот мало. Требуется еще нечто... даже не объясню, но без этого, ну драйва, что ли, ничего не выйдет.

– Вы про Пугачеву говорите? Алла...

– Валерию на самом деле Аллой зовут, – объяснила Полина, – на эстраде у многих псевдонимы. Витас – Грачев, Королева – Порывай.

– А Минна?

– Она Раиса Ивановна Опупенко. Разве можно с таким ФИО на сцену?

– Да уж, – вздохнула я, – но почему у Минны ничего не получилось, если муж денег дал?

⁸ Башли – деньги (жаргон.).

– А его пристрелили, – пояснила Полина, – Минна овдовела и сразу стала никому не нужна. Волков ее за человека не считал. Говорят, он ее бил, но сама я не видела и утверждать не буду.

– Зачем же Роман продолжал с ней возиться, если успеха не было? Ну бросил бы Минну. Полина поморщилась:

– Так в нее хорошо вложились. Роман ее после смерти мужа просто эксплуатировал, заставлял бабки отрабатывать. Пока супруг жив был, Минна кривлялась, только в московских клубах работала да в сборных концертах, никаких туров по провинции. Да и зачем было ей «чесать»⁹? И так лавэ полно. А после того, как в мужа пулю всадили, Роман мадам в оборот взял, дескать, он в нее еще и свои средства вложил, а муженек их ему вернуть не успел. Ну и запряг Волков телку, пришлось ей задним местом по всяким Задрипанским трясти; сомнительное, скажу я вам, удовольствие. Знаете, что такое гастрольный тур по России?

В моей голове закопошились обрывки виденных когда-то голливудских фильмов.

– Ну... лимузин к трапу самолета, толпы фанатов, букеты, номер-люкс. А еще, кажется, звезды представляют список своих требований. Читала в какой-то газете про визит в Москву Уитни Хьюстон, вроде она просила в гримерную ящик минеральной воды, бананы, икру, гусиный паштет «Фуа гра», ананасы в шампанском. И устроители гастролей все доставили, да и как отказать? Она звезда, еще начнет злиться, сорвет концерт!

Неожиданно Полина рассмеялась:

– Уитни Хьюстон! Ананасы в шампанском! Уж не знаю, было ли в ее райдере такое требование, только наши-то артисты мотаются по другим местам. Знаете, какие профессиональные болезни у представителей шоу-бизнеса? Хроническая усталость, недосып, боли в позвоночнике и неполадки с желудком. Да это и немудрено. Хотите знать правду о гастролях? Самолеты постоянно задерживаются, в них толком не поспишь, лежишь шесть часов, прибываешь на место в девять утра, а первый концерт уже в три, второй в семь. Даже отдохнуть некогда. В гостинице нет горячей воды. Хоть сто раз укажи: «Нужен номер-люкс», все равно ванну не принять. Ну нет в этом местечке мазута, и ради артиста никто бойлерную не включит. В качестве апофеоза притащат чайник с кипятком. Постель сырая, по тумбочке спокойно шастают тараканы и мыши. Выбираешься на концерт. Сцена маленькая, подтанцовке негде прыгать, гримерные грязные, зеркало одно на всех, в туалет без противотогаза не войдешь, кругом сквозняки. Обедать перед концертом нельзя, с полным желудком не попоешь. Кое-как поставили свет, разместили аппаратуру, полаялись с местными, как всегда, пьяными рабочими сцены, вдолбили в их тупые головы, что надо делать. Просишь чаю, получаешь отвратительную бурду из пакетика вроде мочи молодого поросенка, только с сахаром. Наконец – концерт. В зале полно пьяных, местный бизнесмен не растерялся и перед началом шоу развернул в холле торговлю пивом и водкой. Выделенные принимающей стороной два охранника – толстые, одышливые дядьки, им даже черепаху не догнать, поэтому не в меру распалившихся зрителей приходится сбрасывать со сцены музыкантам. В самый разгар концерта могут выключить электричество, и зал начинает орать, стучать ногами.

После представления в гримерку прет местный бомонд. Мэр, его жена, любовница, мама, прихлебалы. Мэрскую дочку представляют как дико талантливого, желающего петь на эстраде ребенка, та, не постеснявшись, тут же начинает голосить. Тебе хочется послать всех на хрен, но у устроителя концерта такое несчастное лицо, что приходится фотографироваться в центре шабаша.

На ужин в гостинице дают котлету из мяса неизвестного науке животного вкупе с кашей, гордо именуемой «рис по-итальянски». А еще представители местного криминалитета наивно полагают, что певицы за деньги готовы на все, и страшно обижаются, когда те их гонят вон.

⁹ Чесать – ездить с концертами по провинции (эстрадный сленг).

Случаются перестрелки, драки и поножовщина. Налетают местные журналюги, задают они, как правило, тупые вопросы: «Правда ли, что у солисток «ВиаГры» силиконовые груди?», «С кем спит Киркоров?», «Борис Моисеев гей или это пиар?»

В три утра на самолете местных авиалиний нужно вылетать в другой городок. Там все начинается сначала. Впрочем, каждая новая точка приносит свои сюрпризы, чаще всего неприятные. Прибыли в «Л» и выяснили, что в «М» украли часть костюмов. Добрались до «К» и там обнаружили пропажу каких-то шнуров, а без них аппаратура ни фига не пашет, да и стоят они бешеных денег. То ли кто-то из местных на предыдущем концерте спер, то ли сами по дороге потеряли.

Если учесть, что в такие туры для поддержания своего стабильного материального положения следует ездить несколько раз в год, чем чаще, тем лучше, а за тридцать дней гастролей нужно сменить сорок городов, становится понятно, почему некоторые исполнители хватаются за бутылки и шприцы. Нужно обладать железным здоровьем, феноменальной работоспособностью, невероятной энергией и тупым упрямством, чтобы выдержать подобные гонки и не сломаться. Всем, кто, сидя в удобном кресле у телевизора в компании с чашкой чая и куском торта, заявляет: «Да уж, хорошо устроился Киркоров! И чего трудного! Скачи себе да пой под фонограмму», – могу предложить принять участие в гастрольном туре. Просто интересно, через какое время этот индивидуум заплачет и попросится назад в свое кресло. Да, Филипп хорошо зарабатывает и вызывает не самые светлые чувства у публики своей любовью к бриллиантам, но Филя не спер средства из Пенсионного фонда, не тырил нефть и газ, не отнял у вас ваучеры. Он заработал деньги горлом и потом. Кстати, ему принадлежит гениальная фраза: «Если в зале сидят два человека, я буду петь для них. Я создан, чтобы приносить людям радость».

И ведь правда он будет петь и для двоих. А вы так сможете?!

Я посмотрела на раскрасневшуюся Полину и не нашлась, что сказать. Жизнь звезд имеет свою оборотную сторону.

Полная решимости, я вышла из здания, в котором находится «Русское радио», и пошла через двор. Навряд ли Майя хорошо представляет себе, что ждет ее за кулисами, сумеет ли она выдержать бешеный ритм и не сломаться?

Сзади раздалось деликатное гудение, я посторонилась. Мимо проехал роскошный «Кадиллак», за рулем сидел симпатичный мужчина, лицо которого показалось знакомым. Не успела я сообразить, где встречалась с шофером, как стекло передней двери тихо опустилось, и водитель спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.